

С НОВЫМ
ГОДОМ!

ВЫ

1990

ISSN 0130-2469

ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

ПУЛЬС 23.24

г. МОСКВА
отделение милиции
ПРОПИСАИЕ

д.ч.ч.

кв. №

Подпись

Скованные...

ПУЛБС

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Издается с марта 1920 г. ● 1990, декабрь, № 23—24

2

«100 строк». «Частные размышления о Маугли».

4

«Дневник инакомыслящего».

7

«Два дня в Питере».

12

«Исповедь на заданную тему».

29

«Не нужно мстить погибшим».

36

«Мрачные своды милосердия».

«Весь твой, вся твоя!»

42

«Порнуха под подушкой».

44

«Платье для короля».

46

«Загадка великого астролога».

50

«...И банда в голубых кепках».

54

«Поймает «Алиби» жар-птицу?»

59

ЧАСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАУГЛИ

Я должен был умереть сразу после появления на свет. Такие операции делали тогда только в клинике Филатова, в Москве. Спасло то, что отец в ту пору был членом парткома крупного предприятия. Нажались скрытые пружины, и меня отвезли в столицу. Так КПСС сохранила мне жизнь, однако чувства благодарности к ней у меня не появлялось раньше, нет его и теперь. К конкретным людям — есть, но к партии, сумевшей подмять под себя даже здравоохранение, — нет.

Впрочем, речь не о КПСС.

Я давно пытаюсь найти вразумительный ответ на вопрос: зачем вообще люди создают, а тем паче вступают в различные партии и партийки? Не куда-то конкретно, а вообще — зачем? Из-за того, что «голос единицы тоньше писка»? Но мы уже знаем, что это, мягко говоря, не совсем так. Из-за того, что человек — существо социальное? Но социальное же — не партийное! Из-за стремления свалить соседнюю организацию и облагодетельствовать человечество? Но можно ли сделать людей счастливыми насильно, осеняя себя

знаменами нового мессии? Нет нужды обращаться за ответом к истории якобинского террора, директории и консульства. Хватит с нас и своего опыта. Мне понятны те, кто в недавние годы обзаводился партийной корочкой ради материального благополучия своих близких в стране тотального дефицита. Но что же происходит сейчас?

Нас вновь поманила свобода. И вместо того, чтобы воспользоваться возможностью стать, наконец, сами собой и начать жить не по программе, а по здравому смыслу, люди ринулись создавать партии «здравого смысла», каждый по своему разумению. Им потерян счет, ими засижены помещения и пресса, они делят площади и дни для своих акций, они создаются и разваливаются, а кое-кто начинает есть друг друга тихим поедом. Нам разрешили инакомыслие, но мы по-прежнему ненавидим инакомыслящих. Но если раньше ненавидели с коммунистических позиций, то теперь с самых разных платформ, из окопов всевозможных фронтов и с трибун всяческих «комитетов по...».

Я хорошо понимаю, что всякая партия — это лишь средство борьбы за власть (потому, кстати, мне удивительно, что в доносах — компроматах на всяких новоявленных «неформалов» нередко в доказательство их неблагонадежности приводится аргумент: рвутся к власти. А для чего же, простите, еще политикам объединяться?). Но я не понимаю, почему поддержка или неприятие какой бы то ни было идеи должны принимать патологические формы членских билетов? Почему люди начинают сходить с ума от того, что не могут выбрать, в какую партию им вступить? Почему знакомые при встрече вместо приветствия спрашивают с заранее заготовленным хохотком: «Ну как, еще не вышел (вступил) из (в) КПСС (Демплатформы, РКП, ДС, КАС, кадетов, социал-демократов...)?» А в глазах тревожное ожидание: кто ты? друг? враг? Почему даже ответ «беспартийный» воспринимается как принадлежность к определенной

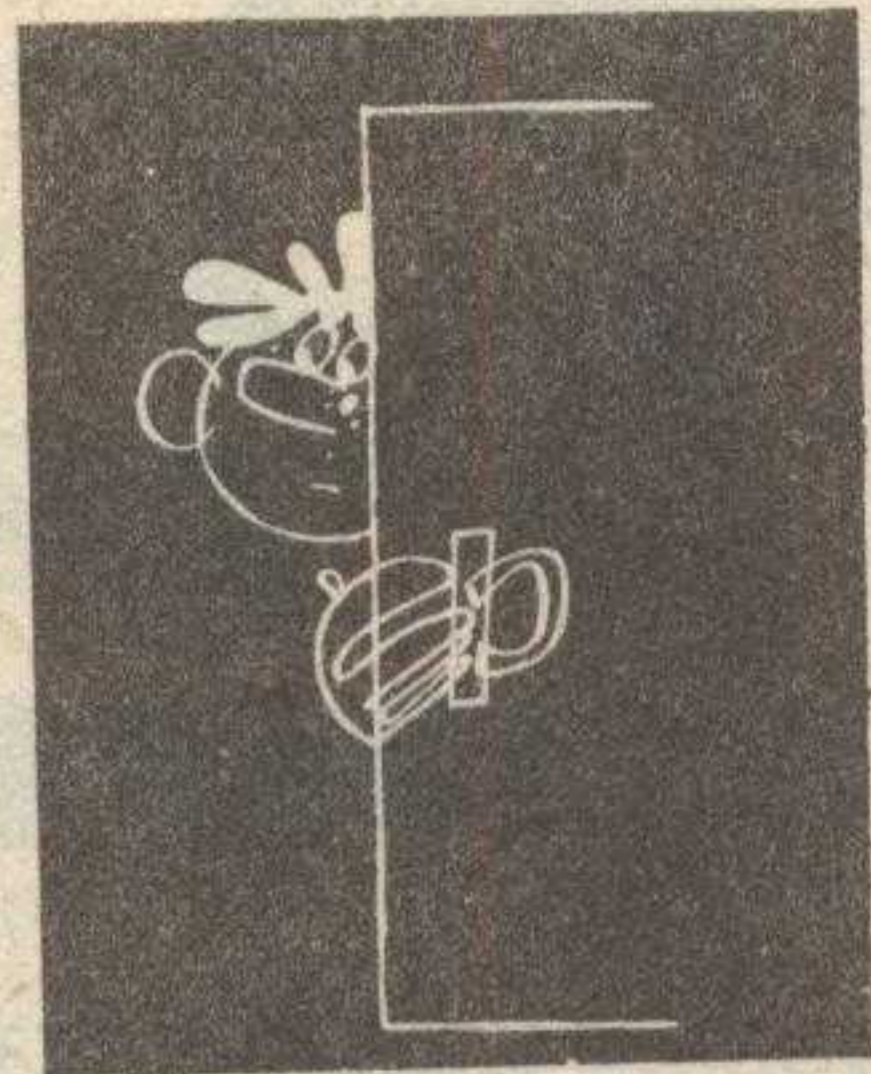
партии беспартийных? Почему мы не даем друг другу освободиться от духовного рабства? Ведь все эти вопросы нам знакомы, и придумали их не вчера. Вспомните ту кучу анкет, что вы заполняли в своей жизни, едва научившись писать — октябренок, пионер, комсомолец, член КПСС, с какого года, партийный стаж, общественные поручения? Изменились только ответы — анкета осталась, мы ее сами сохранили. Анкета homo soveticus!

Кто-то сказал, что у нас с вами «кружковое мышление», нам трудно действовать самостоятельно, чтобы что-то сделать, мы должны ощутить себя в коллективе, в толпе, в партии таких же, как мы. Это же парадокс — лозунг о приоритете и свободе личности миллионы людей решили нести скопом, давя друг другу носки. Но человек не может полноценно развиваться, живя по уставу той или иной политической организации. Всякий, даже очень хороший и либеральный устав — это узкая специализация на определенной идее, это способ контроля за действиями человека и надзора за его мыслями, это ограничение в принятии решений и парализация партийными авторитетами. О какой суверенности личности идет тогда речь?

Мне возразят, что у людей появилась возможность выбирать среди многих политических организаций и что всякая свобода относительна. С этим трудно спорить. Но на свободу выбора я и не посягаю. Просто думаю, что моя свобода должна ограничиваться только свободой моего соседа в обоюдном стремлении не делать друг другу гнусностей и законом, а никак не чьими-то программными предначертаниями и партийной корочкой в кармане. А в общем, выбирайте.

Напомню лишь, что у Киплинга «Свободная Стая» сначала хотела прикончить своего вожака, а затем едва не съела Маугли. Уж на что был вольный человек...

Андрей БЕЛЯКОВ

Все! Так больше продолжаться не может. Писатель пописывает, а читатель почитывает. Но заметьте, при этом читатель — я и себя имею в виду — высказать по поводу прочитанного все, что у него накопилось, не может почти никак. Конечно, и письмо в редакцию написать недолго, а то и по телефону звякнуть, но вот чтобы глаза в глаза — ни-ни. Кроме того, мнение твое, разумеется, выслушают, но выслушает один человек, а не так, чтобы тем же тиражом да на всю страну громыхнуть. Писем-то в журнал попадает: два-три из десятка тысяч.

Короче, я решил это дело исправить. Не буду говорить, как удалось на страницы пробиться — это неинтересно, хотя и нелегко приходилось. Главное, я их всех достал, и результат налицо. По порядку прочитаю вместе с вами этот номер и выскажусь о том, что тут написано. Я, конечно, не семи пядей во лбу, но и дураком пока никто не называл. А соглашаться со мной или нет — ваше дело.

Кто я такой? Это значения не имеет. Считайте, что просто сижу рядом с вами, читаю. Читатель, в общем.

В начало номера меня, к сожалению, не пустили. Но лучше поздно, чем никогда. Честно скажу, политикой всякой наелся уже давно, поэтому, наверное, позиция «защитника Маугли» мне лично ближе, чем исследования Митрохина. Однако справедливости ради замечу, что «выстрелил» парень своей статьей хоть и давно, но прицельно. Рикошеты до сих пор идут. Ведь почти все действующие лица митрохинской «бесовщины» оказались замешаны в недавней тусовке с «Программой действий — 90» (та хохма насчет захвата власти, где опять Николая Ивановича обидели). А так ничего написано, особенно про «пальцы в рот» — живенько.

Дневник иначе мыслящего

ОТ РЕДАКЦИИ

Многим покажется, что материал этот устарел: зачем, дескать, редакция рассказывает нам о том, что произошло более полугода назад? Но всмотритесь в лица ваших соседей на митинге во время скандирования — неужели они не напоминают вам хай в очереди за три минуты до окончания товара? Вы не замечали, как одна показуха — коммунистическая, сменилась антикоммунистической? Как многое, не меняясь в сути, изменилось лишь по форме? Именно об этом — материал молодого московского журналиста и политолога Сергея МИТРОХИНА, перепечатываемый нами из анархистского журнала «Община». И да простит нам читатель частое упоминание малоизвестных ему имен московских политических тусовщиков. Дело ведь не в именах...

Пятого-шестого мая в Библиотеке иностранной литературы заседал Российский демократический форум. Не будем придавать значение пышному названию: инициатором тусовки был все тот же Скурлатов со своей группой, то ли исключенной из РФ, то ли исключившей всех остальных.

Липовую внушительность сборищу сообщил открывший его (а затем, разумеется, удалившийся) Ю. Н. Афанасьев, который вряд ли отчетливо представлял себе, где он находится и перед кем мечет бисер речей о необходимости консолидации (на съезд социал-демократов он, с пиететом ожидаемый в этот день, так и не явился).

Не буду утомлять читателя изложением хода «работы»; остановлюсь

лишь на том, что считаю показательным для современных общественных движений.

Первое, что бросилось в глаза, залепило уши, отшибло обоняние, — это воинствующий, примитивный, идиотический радикализм.

Представим себе картину: двое мужичков с обширными брюшками, игривыми гримасками и прочими физиономическими атрибутами начальства среднего или низшего звена (включая отсутствие мысли) балагурят о том, когда «будем менять власть» — нынешним летом или в следующем году? Этим ограничиваются разногласия. Затем залихватски, с бодряческим умилением смакуются революционные мероприятия: Учредительное собрание, рыночная экономика, всеобщие выборы президента... — загибаются пальцы на пухленьком кулачке.

Надо сказать, что до этого момента (буквально до этих мужичков) я подспудно отождествлял радикализм с некоей разновидностью романтизма, идеализма (имея перед глазами главным образом Новодворскую). Теперь же — пожалуй, в первый раз так мучительно, неотвратимо — пришлось убедиться в столь нестерпимом, жирном и пузырящемся насыщении радикализма пошлостью.

Радикализм стал пошлым, когда с него был снят тормоз страха. Обыденность окончательно потушила последние проблески героического в этом явлении. Скурлатов, которому до перестройки не хватало радикализма, чтобы порвать с КПСС, а в первой программе РФ умолчать о поддержке ее курса, теперь призывает сокрушить коммунистический режим, устроить всеобщую забастовку.

Но допустим, Скурлатов — известный и прожженный знаток поли-

тической конъюнктуры. Гораздо больше меня интересует фривольный радикализм мужичков-бодрячков, а также мальчиков комсомольского вида и ухватки из окружения Скурлатова, жестокий и мрачный радикализм безумных старух, истерический — визгливых дамочек и тому подобных статистов, удельный вес которых в движении все возрастает, возрастает катастрофически...

Корни их радикальности — не в демократической или правозащитной идее, вообще не в идее, а в чем-то нерелефлексивном, вегетативном.

Ах, если б знали, из какого сора...

Все эти люди могут быть бесстрашными только в толпе, снимающей их зачаточную индивидуальность, в притупляющей массу других радикальных тел. И жутко, что тел становится все больше, они неудержимо плодятся в партиях, народных фронтах, демократических форумах. Тут уже действуют какие-то чисто механические причины, законы вульгарной социологии. Еще один отвратительный момент ожидания, и эти одноклеточные, не состоявшиеся в одиночку, соединятся в жилистое и безмозглое тело толпы и будут что-то орать, что-то кромсать.

Когда быть радикалом становится легче, чем быть рыболовом, это означает, что раскачивать (здание, лодку, государство) осталось недолго: на подмогу надрывающимся мало-мощным дээсовцам придет масса старательных бодрячков, которые будут раскачивать, веселясь и играючи (а потом кровоточащим месивом конвульсировать под обломками).

Нельзя сказать, что лютый скурлатовский радикализм с налетом нищестанства (ставка на сильных!.. собственников, к черту слабых! — нужны только для массовости) не получил на «форуме» никакой отповеди. Два-три разумных выступления с неизменным упоминанием большевиков были насколько самоочевидны, настолько же и тривиальны. Возможно, у кого-нибудь и

застрял бы в остатках рассудка этот лепет здравого смысла, но принесла тут нечистая «настоящих», то есть партийных либералов.

С абстрактно-формальной точки зрения аргументы вождя либерально-демократической партии Жириновского против радикализма действительно были либеральны — здесь не к чему придраться. Однако знаменем неумолимого рока показалось мне то, что они были не просто поверхностными и плоскими — это бы еще ничего; но они были пошлыми, и не просто пошлыми, но еще и с каким-то скотским оттенком.

Жириновский, косноязычно лопоча и лучась самодовольством преуспевающего политика, сравнивал страну с женщиной, которую можно изнасиловать (как намереваются радикалы), а можно склонить, соблазнить, на что потребуются больше времени, но и результат будет вернее (таковы либералы). За подтверждением данной мысли он обратился к своей знакомой (давайте у нее спросим!), похватывая ее и пощупывая, а она похохатывала, повизгивала.

— Да он просто идиот! — орали старухи, бешено на него озираясь. Сальности (жирности) Жириновского, видимо, до конца дней будут у них ассоциироваться с либерализмом.

Таково было второе открытие дня: пошлость не избирательна, она не является привилегией радикалов. Она — неотъемлемая черта новорожденной многопартийности, огромное родимое пятно в пол-лица, сверкавшее и на съезде социал-демократов.

Христианская демократия выглядела на форуме не менее внушительно, хотя и несколько бледно после операции (недавно ей пришлось отсечь четыре гниющих члена). По выходе на трибуну глава ХДС Огородников, сценически акцентируя приятность своей наружности, улыбки, манер, сладостно мурлыкнул: «Господа!», чем спровоцировал невероятную ярость старичка сталиниста («А мне все равно, как меня называют — товарищ или господин», — меланхолически произнес председатель).

Пока публика шиканьем и руганью делала невыносимым дальнейшее пребывание старикашки в зале, экстаз Огородникова нарастал, христианская улыбка нежна, воркование приобрело эротическую приторность, и он еще раз четыре успел уязвить рутинера жгучим словечком, наспех подбирая к нему удачные или неудачные контексты.

Когда-то Бердяев писал, что коммунистическая Россия, подобно царской, полна гоголевскими «рожами и харями, в ней искажен человеческий образ».

Вся глубина этого искажения обнаруживается при прощании с коммунизмом. Похоже, что многопартийная демократия постепенно изображает себя как новая шизофреническая затея российского утопизма. Она не устраняет ничего из того, что служило опорой тоталитаризму — примитивной революционности, фанатизма и стадности (отсутствие личности сверху донизу, вдоль и поперек), наивной веры в мессианскую роль политических структур, в чудодейственную магию власти (злую и черную — сегодняшней, белую и добрую — будущей) и, наконец, нечеловеческой, смердяковской пошлости.

Для емкого обозначения всего этого мы имеем благодаря Достоевскому замечательное слово: БЕСОВЩИНА. Попробую объяснить его смысл предельно конкретно, не превращая в козла отпущения несчастный РФ.

Бесовщина — это когда Владимир Боксер на митинге в Зеленограде (20 мая прошлого года) поносит проклятых либералов, которые должны определиться, с кем они — с народом или за доброго царя? — засовывает, пропихивает длинные цепкие пальцы в едва наметившуюся трещину в блоке либералов и популистов (а вслед за ним Бабушкин с видом революционного палача читает резолюцию). Самому-то Боксеру что — он, по собственному признанию, одной ногой с первыми, другой со вторыми, — останется на плаву при любом раскладе.

Бесовщина — это когда Демократическая Россия принимает в свои ряды гэбиста Саушкина, причаст-

ного к диссидентским процессам 70-х годов, а затем таким же образом пытается воспользоваться разнообразными талантами командира стукачей Затулина.

Бесовщина — это ритуальное расчленение дээсовцами Горбачева в день прав человека, это — демагогия ОФТ, шабаши «Памяти», а также патологические формы поддержки Ельцина, Гдляна и Иванова.

...На съезде социал-демократов идет представление. Требовательная партийная масса задает каждому представляющемуся деликатный вопрос: не был ли он членом КПСС? На лицах испытуемых написано предвкушение этого вопроса. Им не терпится обнажить перед взыскательными товарищами свою непопачканность. Бесовщина...

Стоит ли перечислять дальше? За этим словом тянется нескончаемый шлейф ассоциаций.

Кончилось идеологическое принуждение, ослабло давление государства. Тоталитаризм, спокойный за свои глубинные корни, затаился в ожидании очередной кульминации привычного календарного цикла. Наступила многопартийность. Хари стали демократическими, плюралистическими, но не перестали быть однообразными и пошлыми. Не перестали быть харями.

* * *

Р. С. Говорят, что на следующий день сподвижник Огородникова по ХДС Бугаев предложил форуму в целях «самоочищения» создать нечто вроде неформального КГБ, в задачу которого входило бы отслеживание и отсеивание лиц, занимающихся в общественном движении провокационной и раскольнической деятельностью.

Полностью присоединяюсь к замечательной идее христианина и демократа. Предлагаю назвать эту необходимую всем организацию «Самоочищение», и пусть ее (а также всего Святейшего демократического форума) эмблемой будут

**ДВА ПАЛЬЦА,
ЗАСУНУТЫЕ В РОТ.**

Сергей МИТРОХИН
(«Община» 1990 г., № 43).

Два дня в Питере

Некоторые размышления по не интересующему вас поводу

— Так мы ж вроде невинные оказались...

— Так считаешь? Ну, считай. А я б тебе по-другому советовал считать. Что ты — временно освобожденный. Понял? Временно тебе свободу доверили. Между прочим, больше ценить будешь...

Г. Владимов, «Верный Руслан»

Они стояли, касаясь друг друга разновеликими плечами, и по-детски самозабвенно выкрикивали не слишком громкое, но прочувствованное: «До-лой Ка-гэ-бэ! Свободу полит-заключенным! До-лой...» Серое здание холодно взирало на митингующих обезличенным пустоглазием окон, а «непринужденно» беседующие охранники, казалось, не обращали на шум никакого внимания. Мимо прошла пожилая пара, бросив недовольное, почти брезгливое: «Бездельники...» Компания тинейджеров в кожаноджинсовом «прикиде», не сбавляя скорости, проследовала в направлении очередного кайфа: «Давай, давай... отлично... так держать!..» Остальным проходим, судя по всему, и вовсе не было дела до нарушителей единообразия, что собрались возле здания КГБ. Впрочем, митингующих это ничуть не смущало: они не стремились шокировать публику и не искали дешевого успеха. Они просто ставили последнюю — выстраданную — точку в закончившемся свидании с Питером и друг с другом. Свидании, именуемом официально встречей бывших политзаключенных 1953-го — 1990-х годов...

* * *

Кто-то из зарубежных политологов сказал: «Россия — единственная в мире страна, прошлое которой непредсказуемо». Если бы только прошлое! Впрочем, ему — горемыч-

ному — действительно досталось. Тысяча раз оболганное, перетасованное, как воровская карточная колода, оно вдруг спрессовалось в раздирающем душу откровении о сталинском аде, выплеснулось на нас штормовой волной из моря забвения, сбilo с ног — и оставило, словно выброшенных на берег рыб, глотать пустой воздух. Вопрос, почему свалившаяся сверху гласность обрушилась именно на годы культа, пощадив революционные и «застойные», кажется почти риторическим: «святое», и живых трогать небезопасно.

Художник
Андрей ПОБЕРЕЖСКИЙ

Сегодня начинаем, наконец, вспоминать о другом, но большинство из нас уже стало нести две непосильные ноши: ужасы прошлого и ужасы настоящего. И вот уже молодой борец за демократию заявляет без тени сомнений: «Зачем нам нужен опыт бывших диссидентов!» Признаюсь, именно эта фраза, услышанная на одном представительном собрании неформалов, и погнала меня в Питер: не терпящая возражений категоричность всегда вызывает желание возражать.

Два августовских дня диктофон послушно записывал сдержанно-страстные выступления и интервью разновозрастных и разномыслящих участников гражданских, национальных, религиозных движений — бывших «зеков» и «психов»: тех, что по-советски называли отщепенцами, а «по-вражьи» — узниками совести. Я поймала себя на мысли, что «охота на ведьм» — это любимое развлечение жрецов Большой лжи — в моей памяти осталась лишь возмущенным голосом диктора, вещающего о гнусном предательстве Сахарова, и собственным доверчивым непониманием: раз он преступник — почему не судят? Если нет — зачем куда-то ссылат? Что же могут вспомнить те, кому шестнадцать, двадцать... кому не довелось ни писать сочинений на тему целинных и малых земель, ни рассказывать анекдоты по углам, узнаваемо ворочая челюстью! «Надоела политика, надоели нравоучения о прошлом» — это из писем. Может, и впрямь не нужна им вчерашняя правда, если минуло, пронесло, не задело... Нынче эра прагматиков и реалистов! Вот и молодой неформал рассуждал, должно быть, с практической точки зрения, когда списывал в неликвиды «опыт бывших диссидентов».

Как подпольно организовать самиздат или провести митинг протеста, успев развернуть плакаты, пока менты не вырвут из рук — это, ясно дело, теперь ни к чему: гласность на дворе. Как задержать в горле с десятков таблеток, не растворив, — выплюнуть через пять минут — или избежать галлюцинаций в замкнутом пространстве карцера — вроде совсем лишнее: если не ворует, не насилует, не сходим с ума...

Владимир Данилов (годы заключения: 1973—1975 и 1987—1990): «После ареста меня сразу кинули в камеру психэкспертизы, где находилось еще четыре человека — все убийцы. Для меня, тогда 24-летнего убежденного марксиста, это было чудовищным ударом».

Вилен Очаковский (1982—1986): «Засыпая вечером, я не знал, проснусь ли утром. Вокруг — садисты, наркоманы, гомосексуалисты. Те, кому грозила высшая мера, дорожили диагнозом. Достаточно администрации намекнуть такому...»

Анна Михайленко (1981—1988): «Даже выпускная политузников из психушек, стараются нанести максимальный вред их здоровью. Когда в начале 89-го заключенного Казанской спецпсихбольницы Леонида Громова везли в Москву для обследования комиссией из США, ему через каждый час кололи сильнейшие дозы нейролептиков, что считается исключительным истязанием человека. У него были поражены все внутренние органы, выпали зубы».

Исходя из практических соображений, наверное, можно и не знать, что «шизофреником» в родной державе стать было совсем не трудно: достаточно мыслить и жить не нормально, а уж нормы у нас устанавливать умели всегда. И тогда — будьте любезны в палату с решеткой. Не читать, не писать. Лежи себе тихонечко наподобие дебила. Банька — пара минут в месяц. Грязь, вши. За провинность — ремнями к кровати или в мокрую простыню на голое тело, да чтоб веревкой потуже. Таблетки, инъекции... Ужасы прошлого? Хочется верить. Только давно ли мы проводили в историю 89-й?!

Впрочем, нам ли бояться за пределами абстрактных страхов перед психушкой, когда, кажется, вся жизнь превратилась в сумасшедший дом. А маньяки, садисты, насильники хоть и не на соседней койке, но где-то рядом. Мир озверел, и мы в смятении ищем причины антидарвинского превращения рожденного человеком в первобытное существо. Заговорили о лагерях и тюрьмах, что-то не так исправляющих и не в тех перевоспитывающих. О порядках, законах, нравах ихних поначитались и понаслышались. Что уж там воспоминания бывших политических!..

Олег Сенин (1969—1974): «Лагерь «помог» мне осуществить переоценку ценностей: из неомарксиста стать христианином. В Евангелии Христос гово-

рит: блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть царствие небесное. Внутренний порыв к справедливости всегда гуманен, но в заключении я пришел к выводу, что средства, основанные на насилии, столкновении классов, не могут достичь благих целей».

Владимир Данилов: «В зоне я понял подлинную сущность нашей системы. Когда тебе в глаза говорят, что ты, конечно, со своей статьей имеешь право и от «химии» освободиться по заявлению, и по «половинке» выйти, но ничего этого не получишь, ибо закон — это сказка для глупеньких, исчезают даже последние иллюзии. После второго срока я уже четко стал «внесистемником», убедившись, что все зло — в самом государственном строе».

Лариса Богораз (1968—1971): «Оказавшись в тюрьме, я испытывала скорее ощущение торжества, нежели разгрома — чувство завоеванной внутренней свободы...»

Политзеки не идеализируют зону. Они-то хорошо знают, как это страшно — оказаться в уголовной среде с ее извращенной моралью и перевернутыми ценностями. Что легче привыкнуть к голоду, к бесправью, к тому, что спишь в одной постели с крысами, когда они приходят зимой греться в ноги, чем к вакханалии безнравственности, к тому, что тюрьма развращает и портит. «Общение с карликами деформирует позвоночник» — так, кажется, написано у польского сатирика Станислава Ежи Леца. Место здравого мыслящего человека — среди себе подобных: истину, известную нам априори, они выстрадали практикой. Это тоже их «опыт», и все же... Можно, оказывается, и в безумном пространстве не утратить способности думать, и среди самой страшной бездуховности сохранить присутствие духа. Сказанное же Ларисой Богораз, одной из семерых несмолчавших, что вышли в 68-м на Красную площадь, как-то особенно трудно укладывается в штампованной реальности уме. Ностальгический вздох правозащитницы? красивая фраза? романтическая иллюзия? — мы привыкли объяснять непонятное, загоняя его в тупик голых схем. Но ведь свобода в неволе парадоксальна не меньше, чем рабство на воле: последнее же никого не удивляет и не шокирует. Обыденность тем и хороша, что не требует усилий мысли, даже когда абсурдна. Чужеродный же «опыт» слишком слепит

глаза, чтоб не избежать соблазна спихнуть его подальше, за пределы сознания. Например, в темноту «надоевшей» истории.

...Мучительно пытаюсь вспомнить, что происходило в стране в 1987-м — не листая подшивки газет и не спрашивая окружающих. Кажется, какие-то судьбоносные пленумы, октябрьское фиаско (оно же триумф) Ельцина... Об освобождении из лагерей и спецпсихушек многих политзаключенных не помню, но знаю от бывших. Почему так? Почему не объявили во всеуслышание да громким голосом, что выпустили на свет божий людей, обремененных совестью и за то пострадавших?! Знать, не пристало властям нашим каяться. Принародно же клялись, что нет в стране Советской осужденных за одно лишь стремление «жить не по лжи». А сомневаться в непорочности отечественной психиатрии и по сей день считается за большой грех. Да и что ответить на вопрос: «Все ли «заблудшие души» увидели свет божий»?.. Так и выпустили «отщепенцев» без лишнего шума, надеясь, что разбегутся по большой стране, разбредутся кто куда, успокоятся в забвении...

Валерия Новодворская (1969—1971, многочисленные аресты в 1978—1990): «Единственное оправдание нашей жизни, когда многие товарищи погибли, а иные еще сидят, — продолжение борьбы, и пока не пала эта власть, для нас не может быть увольнительных. Мы должны воспитать у общества иммунитет против всех фальшивых ласк нынешнего режима. И ни одного слова в его поддержку! Боюсь, что вхождение политзаключенных в большевистские Советы — это все равно, что сотрудничество с лагерной администрацией...»

Генрих Алтунян (1969—1972 и 1980—1987): «Пришло время не только бросать камни... Вспомните Андрея Дмитриевича Сахарова. О каком сотрудничестве речь?! В Верховном Совете Украины 10 бывших политзеков. Мы занимаемся реальным делом: и это тоже борьба... Участвовать в демократических органах власти необходимо!»

Вилен Очаковский: «Наше место среди рабочих. Я сам — председатель шахтерского стачечного комитета. Там — огромная сила, которая может стать страшной. Мне говорят: «Какие комитеты? Треба пулеметы, автоматы надо...» «Понимаете? Там наше место...»

Не успокоились. Ни освобожденные раньше, ни «помилованные» перестройкой... Собравшись воедино,

они почти не вспоминали о прошлом, оставив для него лишь «кулуарные» беседы да скупые интервью. Зато много и с болью говорили о товарищах, сидящих еще за решеткой, о необходимости создать свое общество, о реабилитации — потребовать или гордо отказаться... Но больше всего их волновал вопрос: что же им делать сейчас, в это смутное время... Им, казалось, даже в голову не приходило, что можно тихо пожить для себя. Они спорили, доказывали, возражали, и меня поразило умение этих людей слушать друг друга, несмотря на несхожесть позиций, на разницу взглядов. Лишь однажды зал зашумел возмущенно, до крика, когда стал выступать политзек, про которого многие знали — стукач... Они говорили о сегодняшнем дне, и не было в тех словах никакой эйфории, а только тревога — что общество глубоко больно, а КПСС и КГБ — по-прежнему реальная сила, не раз, как известно, доказывавшая неистребимую способность подавлять все живое.

Лариса Богораз: «Нынешнее развитие событий очень опасное. Тем выше ответственность правозащитников. И не надо творить из нас кумиров. Важно учитывать опыт предыдущих десятилетий. Главная наша ошибка, связанная, безусловно, с обстоятельствами, была та, что мы мало думали о реализации идеалов. Об этом стоит помнить. Впрочем, как и о другом — самоценности индивидуального действия...»

В этих словах — простая мудрость выстоявших. Им не нужен ореол святости: они не были ни героями, ни жертвами. Просто жили согласно внутренним убеждениям: истинным или не очень, но — собственным. Многие, сидевшие за критику системы с марксистских позиций, бредившие Лениным и «социализмом с человеческим лицом», сегодня видят наивность тех взглядов, сделав вывод: «Неверна сама идея». Но тогда они думали по-другому, а думая — не хотели молчать. И как бы там ни было, восставали против лицемерия власти и всесильной лжи, против кованого сапога и колючей проволоки. И наверное, в чем-то были идеалистами, обращаясь к разуму тех, кто давно пребывал в маразме. И, конечно, совершали ошибки. И сегодняшний неформал, захотев, смо-

жет долго рассуждать о невысокой «результативности» их индивидуальных действий.

Ну в самом деле, что изменилось вокруг, когда Генрих Алтунян — перспективный военный инженер, не отрекся (всего лишь!) от дружбы с «бывалым отщепенцем» Петром Григоренко, не раскаялся в чтении статей Сахарова и... был изгнан из партии. А потом... письма к международной общественности — арест — участие в Инициативной группе по правам человека — арест... Так вся жизнь... А Владимир Данилов? Чего добился этот одиночка, когда, преподавая в школе, говорил на уроках об афганской войне, диссидентах, о власти?.. Многие ли изменил в умах соотечественников Вениамин Иоффе (ныне председатель Ленинградского «Мемориала», один из главных организаторов встречи), написав в 65-м две статьи для журнала «Колокол»: о бригадном подряде и выборах, схлопотав за то срок...

Я не знаю, захочет ли кто-нибудь рассуждать о них так. Я знаю только, что кто-то не станет об этом думать вовсе...

«...В русском коммунистическом царстве совершенно отрицается свобода совести и мысли... Для личности свобода заключается в исключительной ее приспособленности к коллективу... Но личность, приспособившаяся к коллективу и слившаяся с коллективом, получает огромную свободу в отношении ко всему остальному миру». Это Н. Бердяев. Написано в тридцатые. Из тех истин, которые, как видно, устареют не скоро. Да, мы осудили слепой фанатизм, приносящий отдельную жизнь на плаху Идеи. Высмеяли «коллективизм» рабов, заявив о приоритете личного. Мы вспомнили, что люди смертны, но тут же перевели ощущение зыбкости бытия в одномерное: «Хочу все получить на этом свете». И вот парадокс: с одной стороны — трепетная забота о собственном «я», с другой — жизнь не стоит копейки. Гордо декларируемый индивидуализм на фоне катастрофического исчезновения индивидуальности — и общество вновь скатывается к пропасти воинствующей массовости. Пробудившееся было на заре пере-

стройки достоинство Личности, похоже, не удержалось на зыбкой почве размытого между добром и злом безверия. Оглянитесь вокруг: все, что творится толпой, оправдывается — насилие, ненависть, глупость. Мы массово любим, массово осуждаем, массово плюем на добродетель, массово оправдываем пороки. Человек слаб, а жизнь одна! Совесть утомляет, и так просто сбросить ее в общий котел окружения. Индивидуальное же действие — в политике или вне ее — всегда укор «облегчившимся», сознают они того или нет. Знать, что человек способен поступать нравственно в обстановке довлеющей безнравственности — значит признаться в собственной ущербности. Над которой можно возвыситься. Но легче всего — не знать. И тогда вчерашняя правда, что на самом деле есть просто правда, и впрямь не нужна, а вместе с ней и «опыт бывших диссидентов», и не только сидевших, — рассуждая опять же с практической точки зрения...

Генрих Алтунян: «Это был август 68-го, Брежнев тогда заставил провести на всех предприятиях собрания, где бы трудящиеся одобрили — постфактум — ввод войск в Чехословакию. Бывший работник ЦК ВЛКСМ пришел к Петру Григоренко (я был как раз там) и сказал: «Вы знаете, в Ленинском районе Москвы всего только три человека выступило против». Петр Григорьевич взорвался: «Как всего три? Целых три человека на фоне многотысячной толпы подняли руки против!..» Причем они так и остались безмянными. Их, наверное, повыгоняли с работы, лишили привычных благ. Не диссиденты, не политзеки, просто — люди...»

Олег Сенин: «Без нравственного кредо человека не могут устоять никакие демократии. Они, как сказал Аристотель, превращаются в свою крайность — в охлократию — господство толпы...»

* * *

Вернувшись из Питера, я иногда представляю себе, что кто-то, подобно герою Г. Владимова — бывшему «хозяину» в бывшем лагере — глядит на нас ехидно и усмехается: «Эх, временно освобожденные — не цените вы свободу!» Ценить — значит, знать цену. Вот я и думаю: не продешевить бы нам...

Татьяна ХАРЛОВА,
спец. корр. «Пульса».

Нет, больше всего меня в этой истории о диссидентах поразила подпись под материалом. Услышать подобное от женщины — не ожидал. Сурово поговорила. Я даже растерялся. И с Татьяной солидарен в том, что тоже не знаю, «захочет ли кто-нибудь рассуждать о них так». И тех, кому не довелось писать целых сочинений, кому надоела «вчерашняя правда», на моем пути встречается с каждым годом все больше и больше. Это здорово, наверное, не знать и не помнить... А главное, ведь власти наши действительно каяться не будут. Это и без диссидентов, без правозащитников, по-моему, всегда было ясно. Так зачем огород городить?

Есть рок, есть попс, есть друзья, есть же и красивая жизнь, которой очень хочется пожить хоть вечерок, есть любовь, и враги найдутся, карьеру можно строить, а можно с компанией по улице пройтись — лицо кому-нибудь начистить, в конце концов, можно и не ходить, а дома книжку зачитать. Всего понемножку отыщется в жизни, в любой. Зачем же жизнь в психушке гробить? И нам сейчас, и им тогда было? Зачем? Чтобы мы теперь своих спасителей любили и уважали? Но ведь спасти-то никто не просил. Или они себя спасали тем, что в тюрьмы садились? Или все это ради того, чтобы не было власти толпы? Интересно, а я — это тоже толпа? Черт его знает! Не хотел я про них читать, но зацепило... Думать надо...

Художник Юрий АРАТОВСКИЙ

Исповедь на заданную тему

ХРОНИКА ВЫБОРОВ 10 марта 1989 года

Никогда к этому не привыкну. Всякий раз, когда на меня обрушивается клевета, очередная провокация, страшно расстраиваюсь, переживаю, хотя уже пора бы реагировать бесстрастно и спокойно. Не могу!

Недавно мне позвонили из нескольких мест и сообщили, что в райкомы партии спущено анонимное методическое пособие на десяти страницах по дискредитации кандидата Ельцина. Очень скоро один экземпляр мне принесли. Заставил себя прочитать этот текст и опять расстроился. Не из-за того, конечно, что избиратели отвернутся, — полагаю, нормальный, порядочный человек не примет такую анонимку. Поразила меня степень убожества, падения нашего идеологического аппарата, идущего на самые низкие и бесстыдные поступки.

Авторство этой подделки установить так и не удалось, но исходила она из достаточно высокой инстанции, поскольку послужила руководством к незамедлительным и активным действиям. Секретари райкомов партии вызывали партийный актив предприятий, организаций, собирали их в райкомовских залах и зачитывали вслух этот пасквиль. Не могу удержаться, чтобы не процитировать особо памятные места:

«Как ни парадоксально, являясь сторонником нажимных, авторитарных методов в работе с кадрами, он считает возможным входить в общественный совет «Мемориала». Не слишком ли велик диапазон его политических симпатий? И «Мемо-

риал», где он оказался в одной команде с Солженицыным, и «Память», на встречу с которой он с охотой пошел в 1987 году. Не так ли это гибкость, которая на деле оборачивается беспринципностью».

«Он очень активно борется за выдвижение в народные депутаты, по существу, пошел ва-банк».

«Что движет им? Интересы простых людей? Тогда почему их нельзя практически защищать в нынешнем качестве министра? Скорее всего им движет уязвленное самолюбие, амбиции, которые он так и не смог преодолеть, борьба за власть. Тогда почему избиратели должны становиться пешками в его руках?»

«Создается впечатление, что в депутатских делах он ищет легких путей, удобную «политическую крышу».

«Это не политический деятель, а какой-то политический лимитчик».

Предполагалось, что после читки этого документа партийные работники должны пойти в свои коллективы и там открыть глаза трудящимся, какой же, оказывается, нехороший, можно сказать, гнусный тип этот самый Ельцин.

Задумка сорвалась. Нет, конечно, идеологические работники на местах пошли в массы. Но там их так встретили!.. А многие, кстати, и не пошли вовсе, на всякий случай. Кто-то просто возмутился прямо на этих читках и потребовал прекратить провокацию против кандидата в депутаты. В общем, разная реакция была. Но то, что эффекта эта аппаратная выдумка не дала никакого, абсолютно точно. Спасибо газете «Московские новости», она выступила с разоблачением этой акции.

Когда я как-то сел и спокойно подсчитал, сколько было устроено против меня больших и малых провокаций только ради одной цели — чтобы я не был избран, даже сам удивился: этого количества хватило бы на весь Верховный Совет. Срывающиеся встречи с трудовыми коллективами, потому что не давали залов, распространявшиеся организованным способом анонимки, фальсификация и обман — все это я получил в полной мере.

Совсем грустно стало, когда за дело взялся Центральный Комитет КПСС. Это произошло на Пленуме, на котором, кстати, проводились просто позорные выборы от КПСС как общественной организации. Тогда и была принята специальная резолюция по мне. На следующий день во всех газетах было опубликовано решение о создании комиссии во главе с членом Политбюро В. А. Медведевым по проверке моих высказываний на встречах с избирателями, митингах и т. д.

Все началось с выступления рабочего Тихомирова, члена ЦК КПСС, эдакого классического послушного и исполнительного псевдопередовика, взлелеянного и подкармливаемого системой. Таких в недавнем прошлом было много, они являлись как бы выразителями позиции рабочего класса и от его имени поддерживали и одобряли любые, самые авантюрные решения партии и правительства. Начиная от ввода войск в Чехословакию, высылки Солженицына, травли Сахарова и заканчивая бурной поддержкой войны в Афганистане. Для этих целей всегда имелись вот такие карманные рабочие. Писатель Даниил Гранин хорошо его назвал — «номенклатурный Тихомиров».

Так вот, он выступил на Пленуме с заявлением, что мы не можем больше позволить иметь в своих крепких рядах ЦК такого, как этот Ельцин. Он выступает перед избирателями на митингах и собраниях, клеветает на партию, позволяет себе высказываться даже в адрес Политбюро, и к тому же сам он — бюрократ, хотя в своих выступлениях ругает бюрократию, говорил Тихомиров, я попытался попасть к нему в кабинет, но в течение сорока минут он держал меня, члена ЦК, в приемной...

Это была очередная ложь. Он действительно приходил ко мне и действительно ждал в приемной, но пришел без предупреждения, а в этот момент у меня шло совещание с ведущими специалистами Госстроя. Но как только секретарь мне сообщила, что в приемной ждет Тихомиров, я, зная его, попросил товарищей сделать перерыв. Мы с ним переговорили, пришел он по совершенно несущественному поводу. У меня тогда еще зародилось сомнение, что это он решил ко мне заглянуть?.. А когда он выскочил на Пленуме, все стало ясно.

Я сразу же выступил вслед за ним, сказал, что это клевета. Горбачеву в этой ситуации повести бы дело тоньше, не обращать внимания на этот явно несерьезный провокационный выпад против меня. Но, видимо, он уже был сильно заведен, а скорее всего вся ситуация была заранее продумана. Он предложил создать эту самую комиссию.

Известие об этом еще больше взорвало людей. В эти дни я получил письма, телеграммы со всей страны с протестами против создания комиссии ЦК. Решение Пленума, честно говоря, добавило мне еще несколько процентов голосов.

Скажите, наши партийные руководители знают, что в стране нет элементарного: что поесть, во что одеться, чем умыться? Они что, живут по другим законам?

В пору разрешенной гласности нам, кажется, все рассказали. Доверили даже тайны политической власти времен «не столь отдаленных». А почему о жизни нынешних правителей — молчок?

Почему народ ничего не знает о своих лидерах, их доходах, их образе жизни? Или это тайна?

Расскажите, как вы чувствовали себя в «номенклатурном раю»? Правда ли, что там давно и прочно властвует коммунизм?

Из записок москвичей, полученных во время встреч, митингов, собраний

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

Так получилось, что избрание Горбачева Генеральным секретарем в марте 1985 года на Пленуме ЦК обросло различными слухами. Один из мифов гласит, что четыре члена Политбюро, выдвинув Горбачева, решили судьбу страны. Лигачев это сказал прямым текстом на XIX партконференции, чем просто оскорбил, по-моему, самого Горбачева, да и всех, кто принимал участие в выборах Генерального секретаря. Конечно же, борьба была. В частности, я уже говорил, нашли список состава Политбюро, который Гришин подготавливал, собираясь стать лидером партии. В него он внес свою команду: ни Горбачева, ни многих других в том списке, естественно, не было.

И все-таки в этот раз судьбу Генерального секретаря решал Пленум ЦК. Практически все участники Пленума, в том числе и опытные, зрелые первые секретари обкомов, считали, что вариант с Гришиным невозможен — это был бы немедленный конец для партии, для страны. За короткий срок он сумел бы засушить всю партийную организацию страны, как он засушил московскую. Этого допустить было ни в коем случае нельзя. К тому же нельзя было забывать о его личных чертах: самодовольстве, самоуверенности, чувстве непогрешимости, страсти к власти.

Большая группа первых секретарей сошлась во мнении, что из состава Политбюро на должность Генсека необходимо выдвинуть Горбачева — человека наиболее энергичного, эрудированного и вполне подходящего по возрасту. Решили, что будем делать ставку на него. Побывали у некоторых членов Политбюро, в том числе у Лигачева. Наша позиция совпала и с его мнением, потому что Гришина он боялся так же, как и мы. И после того как стало ясно, что это мнение большинства, мы решили, что, если будет предложена другая кандидатура — Гришина, Романова, кого угодно, — выступим дружно против. И завалим.

В Политбюро, по-видимому, так и

происходил разговор, наша твердая решимость была известна участникам заседания, поддержал эту точку зрения и Громыко. Он же на Пленуме выступил с предложением о выдвижении Горбачева. Гришин и его окружение не рискнули что-либо предпринимать, они осознали, что шансы их малы, а точнее равны нулю, поэтому кандидатура Горбачева прошла без каких-либо сложностей. Это было в марте.

А 23 апреля 1985 года состоялся знаменитый апрельский Пленум Центрального Комитета партии, где Горбачев провозгласил основные моменты своего будущего курса — курса на перестройку.

Люди поверили в Горбачева — политика, реалиста, приняли его международную политику нового мышления. Всем было ясно, что так жить, работать, как происходило многие годы, нельзя. Это было равносильно самоубийству для страны. Был сделан правильный шаг, хотя, конечно же, это была революция сверху. А такие революции в конечном счете неизбежно оборачиваются против аппарата, если он не в состоянии удержать народную инициативу в приемлемом для себя русле. И этот аппарат начал сопротивляться перестройке, тормозить ее, бороться с ней, и она забуксовала на месте. К тому же, к сожалению, концепция перестройки оказалась непродуманной. В большей степени она выглядела как набор новых звучных лозунгов и призывов. Хотя слова эти на самом деле совсем не новые, они встречаются и у Канта: и перестройка, и гласность, и ускорение — эти слова были в обиходе не одну сотню лет назад.

Когда я читал книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление», надеялся там найти ответ на вопрос, каким ему представляется наш путь вперед, но почему-то у меня не сложилось впечатления теоретической цельности от этой работы. Неясно, как он видит перестройку нашего дома, из какого материала предполагает перестраивать его и по каким чертежам. Главная беда Горбачева, что он не имел и не имеет в этом отношении глубоко теоретически и стратегически продуманных планов. Есть только лозунги. Удивительно, но с апреля 1985 года, когда была

провозглашена перестройка, прошло больше четырех лет. Почему-то всюду этот период, целых четыре года, называют началом, первым этапом, первыми шагами и т. д.

На самом деле это много. В США это президентский срок. За четыре года президент должен сделать все, что обещал, что было в его силах. Если страна не продвинулась вперед, его переизбирают. При Рейгане в США произошли позитивные перемены во многих вопросах, и его выбрали на новый срок. Он оказался не так прост, как нам его преподносили. Хотя, конечно, болячки остались. И за восемь лет он их не мог все залечить. Но огромные сдвиги, особенно в стабилизации экономики, были налицо.

У нас же ситуация за эти годы обострилась до такого состояния, что сегодня мы уже боимся за завтрашний день. Особенно катастрофично положение с экономикой. Главная беда Горбачева — боязнь делать решительные и крайне необходимые шаги — проявилась здесь в полной мере.

Но, впрочем, не будем торопиться. Став секретарем ЦК, потом кандидатом в члены Политбюро, я окунулся в совершенно новую жизнь. Участвовал во всех заседаниях Политбюро и иногда — Секретариата ЦК. Политбюро проходило каждый четверг в 11 часов утра, заканчивалось по-разному: и в четыре, и в пять, и в семь, и в восемь вечера.

В этом отношении заседания, конечно, не были похожи на те, которые вел Брежнев, когда просто готовились проекты постановлений и за 15—20 минут все решалось. Спрашивалось: нет возражений? Возражений не было. Политбюро разъезжалось. Для Брежнева в тот момент существовала одна страсть — охота. И ей он отдавался до конца.

При Горбачеве было совсем иначе. Заседания начинались обычно так. Члены Политбюро собирались в одной комнате. Кандидаты, как вторая категория состава Политбюро, и секретари ЦК, как третья, выстроившись в ряд, ждали в зале заседаний, когда появится Генеральный. За ним шли все остальные члены Политбюро по рангу. Обычно за Горбачевым шел Громько, потом Лигачев, Рыжков и дальше — по алфа-

виту. Как хоккеисты проходили около нашей шеренги, каждый здоровался за руку с нами, иногда одна-две фразы на ходу, а часто просто молча. Затем рассаживались по обе стороны стола, место каждого было определено, а во главе стола, стоящего поперек, садился председательствующий — Горбачев.

Забавно, что так же, по категориям, мы все и обедали во время перерыва. В связи с этим мне вспоминается Свердловск, когда я обед специально превратил в неформальный обмен мнениями по разным вопросам. Секретари обкома, члены бюро (иногда приглашали заведующих отделами) за 30—40 минут обеденного времени успевали решить целый ряд вопросов.

Здесь, на вершине, так сказать, на партийном Олимпе, кастовость соблюдалась очень скрупулезно.

Итак, заседание Политбюро объявлялось открытым. Горбачев практически не спрашивал, есть ли у кого-то замечания по повестке дня. Начиная заседание, мог поделиться какими-то воспоминаниями, где что он видел, в том числе и в Москве. В первый год моей работы первым секретарем горкома партии такого обычно не было, а во второй год он все чаще начинал именно с этих вопросов: то-то в Москве не так, то-то плохо, давал мне, так сказать, внутренний эмоциональный настрой.

Дальше начиналось обсуждение какого-то вопроса. Например, кадры, утверждение министров, с которыми перед этим иногда разговаривал Горбачев, а иногда вообще не беседовал, сразу будущего министра вызывали на Политбюро. На заседании кандидат подходил к трибуне, ему задавали несколько вопросов, как правило, мало что значащих, скорее просто чтобы услышать голос, чем узнать позицию, точку зрения, взгляд на вещи. В основном утверждение каждого кандидата длилось 5—7 минут.

Обсуждение любого вопроса начиналось с предварительного знакомства с материалами повестки дня заседания Политбюро. Но, на мой взгляд, давали их поздневатю. Иногда, правда, знакомили за неделю, но чаще — за сутки-двое, и потому изучить глубоко вопрос, касающийся

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

принципиальных сторон жизни страны, за такой срок практически невозможно. А надо было бы посоветоваться со специалистами, обсудить его с теми, кто владеет данной проблемой. Но времени давалось мало, то ли специально, то ли из-за недостаточной организованности. Вопросы Секретариата ЦК нередко вообще возникали в пожарном порядке, соответственно так и обсуждались — на одних эмоциях, чаще некомпетентно. Это закручивание особенно любил Лигачев, когда проводил Секретариаты ЦК. Де-юре он не являлся вторым человеком в партии, а фактически тот, кто вел Секретариат ЦК, всегда считался таковым.

Секретариат проходил каждый вторник. Разделение между двумя этими органами управления партии достаточно условно. Впрочем, у Секретариата ЦК были менее важные вопросы, а если вопрос серьезный, то проходило совместное заседание Секретариата и Политбюро ЦК. И все-таки, несмотря на внешнюю демократизацию, это были аппаратные обсуждения. Аппарат готовил проекты, затем их, по сути, в отрыве от жизненной ситуации, не зная реального положения дел, и принимали. Некоторые вопросы обсуждались с приглашением ряда руководителей, в основном тех, кто участвовал в подготовке проекта, а проекты готовил аппарат. Так что это был замкнутый круг. И конечно, я это хорошо знал, поскольку почти полгода работал заведующим отделом ЦК, то есть видел всю эту аппаратную работу изнутри.

Обычно вводное слово произносил Горбачев, делал это он всегда пространно, иногда приводил в подтверждение своих мыслей кое-какие письма, которые ему готовили, он читал одно, второе. Вся эта прелюдия обычно предопределяла итоги обсуждения проекта, постановления, подготовленные аппаратом. Поэтому так и получалось, что аппарат на самом деле ведал всем. Члены Политбюро зачастую чисто фор-

мально участвовали в обсуждении этих вопросов. В последнее время Рыжков попытался сломать эту практику, предварительно обсуждая рассматриваемые вопросы на Совете Министров или со специалистами.

После вступительного слова Генерального по порядку, слева направо — по две-пять минут, иногда по существу, чаще — чтобы отметить — участники заседания высказывались: да-да, хорошо, повлияет, поднимет, расширит, углубит, перестройка, демократизация, ускорение, гласность, альтернатива, плюрализм — к новым словам начали привыкать и потому с удовольствием их повторяли.

Сначала пустопорожность наших заседаний была не так заметна, но чем дальше, тем яснее становилось, что наша деятельность малоэффективна. Горбачев все больше любил себя, своей речью, — округло говорить он любит и умеет, было видно, что власть его захватывает, он теряет чувство реальности, в нем живет иллюзия, что перестройка действительно широко и глубоко развивается, что она быстро захватывает территории и массы. А в жизни все было не так.

Я не помню, чтобы кто-нибудь хотя бы раз попытался выступить достаточно резко против. Но я все-таки встречал. Сначала, конечно, больше прислушивался, а потом, когда имел возможность изучать проекты, вносимые на Политбюро, начал подавать голос, вначале тихо, потом громче, а затем, видя, что вопрос решается ошибочно, стал возражать, и достаточно настойчиво. Споры у нас были в основном с Лигачевым, Соломенцевым. Горбачев больше держал нейтральную позицию, хотя, если критика касалась той работы, которой он предварительно занимался, он, конечно, этого так оставить не мог. Обязательно давал отпор.

Хочется в нескольких словах рассказать о своих коллегах по Политбюро, с которыми работал вместе.

Наверное, стоит начать с А. А. Громыко, члена Политбюро, Председателя Верховного Совета СССР в тот момент. У Громыко была странная роль: он как бы существовал, что-то делал, с кем-то встречался, произносил речи, но на самом деле вроде бы и не нужен был ни-

кому. Как Председатель Президиума Верховного Совета СССР, по протоколу он обязан был проводить международные встречи, принимать гостей, но, поскольку переговоры в основном вел Горбачев или, в крайнем случае, они вдвоем, он оказался выключенным из реальной политической жизни, превратился, может быть, сам до конца не осознавая, просто в какой-то символ. Громыко был как бы перенесен в настоящее из далекого и не очень далекого прошлого. При этом, естественно, он не очень сильно понимал, что происходит вокруг, о чем вообще идет речь. На Политбюро он почти всегда выступал. Почти по любому вопросу. Выступал всегда долго, а когда шло обсуждение международных вопросов, тут уж он считал нужным обстоятельно вспомнить минувшие годы, как дела обстояли, когда он работал в Америке, а потом министром иностранных дел, как он встречался с тем-то, и это очень важно учесть, а еще вот он помнит заседания ООН... И так далее. Иногда эти стариковские, безобидные, конечно, но совершенно неуместные и бессмысленные воспоминания продолжались по полчаса, и по Горбачеву было видно, что он еле сдерживает все свое терпение.

Последние годы этот когда-то деятельный человек доживал свой век в каком-то им самим созданном, изолированном мире. Его неожиданные заявления на Политбюро типа того: «Вы представляете, товарищи, в таком-то городе мяса нет» — вызывали большое оживление. То, что мяса нигде давно уже нет, все присутствующие знали прекрасно. У него был достаточно свободный график: приезжал на работу к десяти, одиннадцати, уезжал в шесть, по субботам отдыхал — короче, сильно не утруждал себя, да этого от него и не требовалось. Было важно, чтобы он исправно выполнял свою роль и сильно не мешал.

Ко мне он относился нормально. Более того, уже после моего выступления на октябрьском Пленуме 1987 года, когда я еще оставался в составе Политбюро, он, пожалуй, единственный продолжал вести себя так же, как и раньше: здоровался, спрашивал, как идут дела и т. д.

Председатель Совета Министров

СССР Н. И. Рыжков. Он всегда был в тени, несмотря на свою высокую должность. После трагических событий в Армении, когда ему в экстремальной ситуации пришлось буквально собственными руками раскачивать проржавевший механизм экстренной помощи, не спать сутками, народ, по-моему, впервые обратил внимание на то, что у нас есть свой премьер-министр. И все-таки, мне кажется, Рыжкову трудно в этой должности — Председателя Совета Министров. Именно сейчас, когда необходимо вытянуть страну из экономического хаоса, из той пропасти, в которой она находится.

Позднее, как министр, первый зам. председателя Госстроя, я должен был присутствовать на заседаниях Совета Министров, но, побывав там дважды, понял, что нормальному здравомыслящему человеку выдержать эту неорганизованность очень сложно. Один министр жалуется на другого, тот на третьего, они выходят на трибуну неподготовленными, отталкивают друг друга от микрофона, и, естественно, в такой атмосфере найти какое-то коллективное решение сверхтрудно. С тех пор я решил время зря не тратить и больше там не появлялся. Хочется верить, что сейчас заседания Совета Министров проходят иначе. Все-таки министры выдержали достаточно серьезное чистилище Верховного Совета, да к тому же и ситуация в стране такова, что на пустопорожние разговоры совсем нет времени.

М. С. Соломенцев, член Политбюро, Председатель Комитета партийного контроля. Последнее время он вел себя очень неуверенно, как будто чего-то ждал. Выступал редко. Правда, если дело касалось вопросов, имеющих отношение к постановлению по борьбе с пьянством, тут он все время поддерживал Лигачева, они нашли друг друга. Когда Соломенцева отправили на пенсию, Лигачеву стало тоскливо. Больше это бредовое постановление поддерживать никто не стал. С Соломенцевым меня свела судьба, когда ему, как председателю Комитета партийного контроля, поручили взять объяснения по поводу моих выступлений в западной прессе. Понятно, разговор пошел совсем не так, как хоте-

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

лось Соломенцеву. Виниться я не стал, поскольку считал себя абсолютно правым, и любые мои высказывания, касающиеся критики членов Политбюро или тактики перестройки, ни Конституции, ни уставу КПСС не противоречили. Вообще Соломенцев во время этой беседы выглядел нервно и неуверенно. Временами его становилось даже жалко: ему дали задание, а выполнить он его не может. Грустная картина.

Дальше Чебриков. Сначала председатель КГБ выступал редко, только если речь заходила о глушении западных радиостанций или о том, сколько людей выпускать за границу. В скором времени он стал секретарем ЦК, уйдя с поста председателя КГБ. Этот шахматный ход был удобен Горбачеву, а комитет возглавил послушный и преданный Крючков. Но по-прежнему все правоохранительные органы и КГБ оставались в руках бывшего шефа КГБ. Главное, у Чебрикова осталась психология кэгебешника: всюду видеть происки Запада, шпионов, никого не пущать, всех причесывать под одну гребенку. Для него нынешний плюрализм и нынешняя гласность — как нож в сердце, удар по годами прекрасно функционирующей и послушной системе.

В. И. Долгих. К его несчастью, Гришин записал Долгих в свой список ближайших сторонников, собиравшись включить его в состав членов Политбюро и предполагал поставить его на место Председателя Совета Министров. Конечно, те, кто попал в число гришинской команды, практически были обречены, и многие действительно вскоре простились со своими креслами. Но Долгих еще работал. Пожалуй, это был один из наиболее профессиональных, эффективно работающих секретарей ЦК. Так до своей пенсии он и оставался кандидатом в члены Политбюро. Относительно молодым — ему еще не было и пятидесяти лет — он стал секретарем ЦК, приехав из Красноярска. Долгих отличали системность, взвешенность — он ни-

когда не предлагал скоропалительных решений, — самостоятельность, конечно, в пределах допустимого.

Когда, например, на Политбюрошло обсуждение моей кандидатуры на должность секретаря ЦК (это происходило без моего участия), все активно поддержали предложение, зная, что я, так сказать, выдвиженец Горбачева. И только Долгих сообщил свою точку зрения, сказав, что Ельцин иногда слишком эмоционален, что-то в этом духе... Секретарем ЦК меня избрали. И вскоре, естественно, мне сообщили о его словах. Я подошел к нему, конечно, не для того, чтобы выяснять отношения, просто хотелось услышать его мнение не в пересказе, да и важно было самому разобраться в своих ошибках, все-таки я только начинал работу в ЦК. Он спокойно повторил то, что говорил на Политбюро, сказал, что считает решение о назначении меня секретарем ЦК совершенно правильным, но только свои эмоции, свою натуру надо сдерживать. Как ни странно, этот не слишком приятный для меня эпизод не отдалил нас, а, наоборот, сблизил. Появился особый человеческий контакт, доверительность — вещи совершенно дефицитные в стенах здания ЦК КПСС.

На заседаниях Политбюро мы сидели рядом и часто очень откровенно обсуждали возникающие в стране проблемы и то, как они решаются — наскоком, поспешно. В своих выступлениях он не любил критиковать, а просто высказывал личное — четкое, ясное и продуманное — предложение. Мне кажется, он очень полезен был Политбюро, но вскоре его «увели» на пенсию.

А. И. Лукьянов долгое время был чуть ли не самой незаметной фигурой среди высшего партийного эшелона власти. Он занимал пост первого заместителя Председателя Верховного Совета СССР. После возникновения новой ситуации с выборами, Съездом народных депутатов, работой сессии Верховного Совета его роль резко возросла, и тут же в полной мере проявился набор партийно-бюрократических качеств высокопоставленного аппаратчика — негибкость, отсутствие внутренней свободы, широты мысли. Он не может управлять нестандартными си-

туациями, нередко возникающими в работе Верховного Совета, впадает в панику, начинает сердиться, чуть ли не кричать и даже стучать кулаком. Сейчас, при нынешнем составе Верховного Совета, такой первый заместитель Председателя еще может сгодиться. Но при нормальных свободных выборах, которые, я уверен, все-таки состоятся, Лукьянову будет трудно усидеть на этом посту. Д. Т. Язов, министр обороны. Это настоящий вояка, искренний и усердный. Ему можно было бы доверить командование округом или штабом, но к должности министра обороны он не подготовлен. Ограничен, совершенно не приемлет критику, и, если бы не буквально жесточайший прессинг Горбачева на депутатов, никогда Язов не был бы утвержден на должность министра. Как от этого стопроцентного продукта старой военной машины ждать каких-либо позитивных перемен в армии, нового гибкого подхода к решению проблем обороноспособности страны, для меня не ясно. Генерал он и есть наш отечественный генерал, с тоской глядящий на все гражданское население страны и в глубине души мечтающий призвать всех взрослых на вечные воинские сборы. Утрирую, конечно. Но мне лично симпатична американская традиция назначения на должность министра обороны — им может стать только гражданское лицо. Это абсолютно верно. Все-таки у профессионального военного мозги чуть-чуть перевернуты на милитаристский лад, ему всегда чудится угроза и все время хочется хотя бы немножко повоевать.

В. В. Щербицкий, первый секретарь ЦК компартии Украины. Пребывание этого человека в составе Политбюро в полной мере демонстрирует нерешительность и половинчатость действий Горбачева. Я почти на сто процентов уверен, что в тот момент, когда читатель знакомится с этой книгой, Щербицкий снят. Но сейчас, в августе 1989 года, он сидит на своем месте. Горбачев боится его трогать, так же как в свое время он не хотел решать вопрос с Алиевым, когда всем уже было ясно, что держать этого погрязшего в своих мелких и крупных корыстных делах человека в составе Политбюро просто невозможно. Я специально пришел

к Горбачеву с папкой документов и почти час уговаривал: Михаил Сергеевич, стыдно сидеть вместе с ним, мы не можем так позорить Политбюро. Так он меня тогда и не послушал. Правда, в конце концов Алиева отправили на почетную персональную пенсию. Но почему надо было так долго решать эту кричащую, однозначно решаемую проблему?!

А. Н. Яковлев, секретарь ЦК, член Политбюро. Наиболее умный, здравый и дальше всех видящий политик. Я всегда получал удовольствие, слушая его очень точные замечания и формулировки по обсуждаемым на Политбюро вопросам. Конечно, он осторожен, не лез на рожон против Лигачева, как это делал я. Но, безусловно, они полные антиподы, модель социализма по Яковлеву диаметрально противоположна лигачевской казарменно-колхозной концепции социализма. При этом они вынуждены уживаться. И каждый вслед за Горбачевым произносит убогую и выдуманную фразу про единство Политбюро.

В. А. Медведев, секретарь ЦК, член Политбюро. После того как Горбачев растащил главных спорщиков по вопросам идеологии, Лигачева и Яковлева, по углам, поручив одному сельское хозяйство, а другому — международные дела, Медведев стал главным идеологом страны. Справляется он с этими обязанностями с большим трудом, а точнее будет сказать, совсем не справляется. Главные достоинства, из-за которых Горбачев поставил его на это место, — послушание и отсутствие новых мыслей и идей. Но, как выяснилось, в сегодняшнее бурное время с таким набором качеств с этой ролью не справиться. Нынче, в эпоху гласности и перестройки, даже для того, чтобы защищать аппарат, командно-административную и партийно-бюрократическую систему, нужен другой, более гибкий и изощренный ум. Помню, когда я еще работал первым секретарем Свердловского обкома партии, Медведев встречался со свердловчанами и через 30 минут, не закончив своего выступления, вынужден был с позором покинуть трибуну. Даже в те времена его клише, примитивные и газетно-штампованные фразы слу-

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

шать было невозможно. Понятно, что сегодня идеологией он руководит в меру своих сил и скромных возможностей, и главная партийная газета «Правда», рупор консервативных сил, уверенно теряет своих подписчиков. Но Медведев крепко сидит на своем месте и будет сидеть до тех пор, пока не завалит идеологию окончательно.

Перечитал я эти несколько страниц о своих бывших коллегах по Политбюро, и самому тяжело стало. Это и есть главный штаб перестройки. Это и есть мозг партии. Лучшие умы страны.

Впрочем, о чем это я? А разве можно было ждать чего-либо иного? Кто у нас в Политбюро? Либо деятели, медленно взбирающиеся вверх по ступенькам иерархии ЦК, аппаратчики до мозга костей, например Лукьянов, Медведев, Разумовский. Либо бывшие первые секретари обкомов или крайкомов партии — Горбачев, Лигачев, кстати, не забуду упомянуть и Ельцина, также сделавшего партийную карьеру в брежневскую эпоху застоя.

Я всегда понимал, почему многие приличные люди продолжали относиться ко мне с подозрением, даже когда я попал в опалу. Потому что Ельцин все равно партийный функционер, бывший первый секретарь обкома. Нельзя, невозможно попасть на это место, а уж тем более перебраться в ЦК и остаться при этом приличным, смелым, свободно мыслящим человеком. Чтобы сделать партийную карьеру, и это всеобщее народное мнение, надо изощряться, приспособливаться, быть догматиком, делать одно, а думать другое. Тут оправдываться бессмысленно. В такой ситуации остается лишь своим трудом и своей позицией завоевывать доверие людей.

Иногда сам себе задаю вопрос: как же я оказался среди них? Почему вдруг многолетне отлаженная, тщательно продуманная система отбора своих, особых, себе подобных, вдруг дала сбой. Я ведь не выдержал, взбрыкнул, а этого никогда,

многие десятки лет, не происходило. Видимо, какой-то механизм не сработал, где-то заклинило...

Каждый новый претендент в секретари ЦК или в состав Политбюро тщательно изучается, про него все известно: что он думает, чего он хочет, никаких загадок нет. Особенности моего характера и независимость суждений были известны Горбачеву. Наверное, планируя на будущее вопросы перестройки, он посчитал необходимым иметь в Политбюро человека, который не будет вести себя послушно. Но, вероятно, постепенно у него менялся взгляд на эти вещи, его все больше и больше захватывал процесс власти, жажда управлять, ему хотелось чувствовать эту власть — ежеминутно, всегда. Чтобы выполнялись только его поручения, только его мнение было правильным. К этому он очень быстро привык, и ему уже стал не нужен человек, способный вступить с ним в спор.

С вершины пирамиды партийной власти стиль поддакивания Горбачеву спускался ниже. Вообще, работа аппарата ЦК КПСС — явление уникальное. Мы часто ругаем министерства, поскольку они ничего не производят, а сидят на шее своих предприятий. Но все-таки их деятельность хотя бы косвенно можно оценить успехами отрасли. Но вот ЦК!.. Он ведь вообще ничего не производит. Ничего, кроме бумажек. Тонны бумажек. И успех работы определяется вот этими горами никому не нужных справок, отчетов, ответов, докладов, анализов, проектов и т. д. и т. п. Аппарат сегодня таков, каким является и Политбюро, и сам Центральный Комитет партии, не лучше, не хуже. Он существует не для того, чтобы анализировать ситуацию, вырабатывать стратегию и тактику партии. Он являет собой как бы идеологическую службу высшего партийного эшелона.

Сказал в недалеком прошлом Брежнев про развитой социализм, и вся эта огромная машина начала производить «на-гора» мифы о нем: как хорошо при нем живется, как он развивается и будет развиваться, что-то про его этапы и про его пути...

Было сначала у Горбачева свое понимание перестройки, более осторожное, чем сейчас, и эта махина

создавала объяснения сдержанной концепции нашего развития. Горбачев вынужден был со временем «полеветь», обстоятельства заставили, и аппарат ЦК послушно провозгласил другой, но все равно единственно верный путь, начертанный Генсеком.

Все по принципу: «чего изволите?»

Все помнят трагикомическую историю, когда, приехав на ВАЗ в Тольятти, Горбачев объявил о том, что в ближайшее время нам надо стать законодателями моды в автомобилестроении. Газеты, телевидение тут же, как всегда, подхватили этот взывающий к новым свершениям лозунг. А специалисты в это же время не знали, куда девать глаза от стыда и ужаса. Заявить такое — это значит вообще не понимать, в какой стране мы живем, в каком положении она находится. Автомобиль — это же не просто железо с мотором, это сложнейшая цепочка взаимоотношений проектной, инженерной, производственной культур, это дороги, сервисное обслуживание и т. д. Убери из этой цепочки хотя бы одно звено, и все развалится, — не то что лучшего, среднего автомобиля не получится. Так нет — будем законодателями моды! И ведь не сам же Горбачев это придумал, кто-то подсказал. А если и сам, то можно же объяснить, поправить, чтобы не позориться. Но нет, у нас принято наоборот, любую, даже самую откровенную бессмыслицу с помощью прекрасно функционирующего пропагандистского аппарата выдавать за вершину человеческой мысли, прозорливости, мудрости.

Конечно же, партии аппарат нужен. Не до такой степени раздутый, очень сильно сокращенный, в нем должны работать лучшие умы партии, чтобы анализировать ситуации, предупреждать возможные повороты событий, четко видеть пути дальнейшего развития. Это особенно важно, учитывая ту роль, которую сегодня партия играет в жизни общества.

А хоть одна конфликтная ситуация была предугадана и предупреждена, хотя бы один кризисный момент оказался решен сразу правильно? Законы о госпредприятиях и кооперации, Нагорный Карабах, Прибалтика и т. д. и т. п. — любая острая ситуация сначала загонялась

в тупик, затем вырабатывалось, как будто специально, неправильное решение, и только через несколько месяцев с большими потерями его пытались исправить.

Сколько слов было сказано по поводу лживости буржуазной пропаганды, сочинившей секретные протоколы пакта Молотова — Риббентропа?! Сколько раз приходилось пропагандистскому аппарату говорить, что все это происки и фальшивки?! Хотя любому здравомыслящему человеку было ясно, что тут нельзя отнекиваться от того, что давно известно всем. Прошло время, и вот мы признали: да, секретные протоколы существуют, но сколько же уважения и авторитета мы потеряли из-за такой твердолобости.

Так функционирует аппарат ЦК, давая всей стране команды и указания. Но я еще раз повторяю, сам аппарат тут ни при чем, просто именно таким — угодливым и послушным — он нужен верхушкам партии. Самостоятельный и независимый инструктор ЦК КПСС — такое сочетание слов язык даже выговорить не может.

Угодливость и послушание оплачиваются льготами, спецбольницами, спецсанаториями, прекрасной «цековской» столовой и таким же замечательным столом заказов, «кремлевкой», транспортом. И чем выше поднимаешься по служебной лестнице, чем больше благ тебя окружает, тем больше и обиднее их терять, тем послушнее и исполнительнее становишься. Все продумано. Заведующий сектором не имеет личной машины, но имеет право заказывать ее для себя и для инструкторов. Заместитель заведующего отделом уже имеет закрепленную «Волгу», у заведующего «Волга» уже другая, получше, со спецсвязью.

А если уж ты забрался на верхушку пирамиды партийной номенклатуры, тут все — коммунизм наступил! И оказывается, для него вовсе не надо мировой революции, высочайшей производительности труда и всеобщей гармонии. Он вполне может быть построен в отдельно взятой стране для отдельно взятых людей.

Про коммунизм — это я не утрирую, это не просто образ или преувеличение. Вспомним основной принцип светлого коммунистичес-

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

кого будущего: «От каждого — по способности, каждому — по потребностям». Тут все именно так. Про способности я уже говорил, их, к сожалению, не слишком много, зато потребности!.. Потребности так велики, что настоящий коммунизм пока удалось построить для двух десятков человек.

Коммунизм создает Девятое управление КГБ.

Всемогущее управление, которое может все. И жизнь партийного руководителя находится под его неусыпным оком, любая прихоть выполняется. Дача за зеленым забором на Москве-реке с большой территорией, с садом, спортивными и игровыми площадками, с охраной под каждым окном и с сигнализацией. Даже на моем уровне кандидата в члены Политбюро — три повара, три официантки, горничная, садовник со своим штатом. Я, жена, вся семья, привыкшие все делать своими руками, не знали, куда себя деть, — здесь эта, так сказать, самодеятельность просто не допускалась. Удивительно, но эта роскошь не создавала удобства или комфорта. Какую теплоту внутри жилого помещения может создать мрамор?

С кем-то просто повстречаться, контактировать было почти невозможно. Если едешь в кино, театр, музей, любое общественное место, туда сначала отправляется целый наряд, все проверяет, оцепляет, и только потом можешь появиться сам. А кинозал есть прямо на даче, каждую пятницу, субботу, воскресенье специально появляется кино-механик с набором фильмов.

Медицина — самая современная, все оборудование импортное, по последнему слову науки и техники. Палаты — огромные апартаменты, и опять кругом роскошь: сервизы, хрусталь, ковры, люстры... А врачи, боясь ответственности, поодиночке ничего не решают. Обязательно собирается консилиум из пяти, десяти, а то и более высококвалифицированных специалистов. В Свердловске меня наблюдал один врач,

Тамара Павловна Курушина, терапевт, знала меня досконально, в любой ситуации точно ставила диагноз, сама решала, как поступить, если появлялась головная боль, недомогание, простуда, слабость.

К этим безответственным консилиумам в Четвертом управлении я относился с большим подозрением. Когда я перешел в обычную районную поликлинику, у меня вообще перестала болеть голова, стал чувствовать себя гораздо лучше. Уже несколько месяцев не обращаюсь к врачам. Может быть, это совпадение, но очень символичное. А когда ты — в Политбюро, то закрепленный только за тобой врач обязан ежедневно осматривать тебя, но над ним, как дамоклов меч, висит отсутствие профессиональной, человеческой свободы.

«Кремлевский паек» оплачивался половиной его стоимости, а входили туда самые отборные продукты. Всего спецпайками разной категории в Москве пользовались 40 тысяч человек. Секции ГУМа специально предназначены для высшей элиты, а контингент начальников чуть ниже — уже другие спецмагазины, все по рангу. Все спец — спецмастерские, спецбытовки, спецполиклиники, спецбольницы, спецдачи, спецдома, спецобслуга... Какое слово! Помните понятие «спец» — специалист, особо одаренный? Левша блоху подковал, другие тысячи и тысячи мастеровых, которые действительно были спецами. А теперь это слово «спец» имеет особый смысл, всем нам хорошо понятный. Тут самые отличные продукты, которые готовятся в спеццехах и проходят особую медицинскую проверку; лекарства, имеющие несколько упаковок и несколько подписей врачей, — только такое «проверенное» лекарство и может быть применено. Да мало ли таких «спец» в самых незначительных мелочах, взлелеянных Системой?!

Отпуск — и выбирай любое место на юге, спецдача обязательно найдется. Остальное время дачи пустовали. Есть и другие возможности для отдыха, поскольку, кроме обычного летнего отпуска, существует еще один — зимний — две недели. Есть замечательные спортивные сооружения, но только для спецпользования, например, на Воробьевых

горах — корты, закрытые и открытые, большой бассейн, сауна.

Поездки персональным самолетом. Летит ИЛ-62 или ТУ-134 — в нем секретарь ЦК, кандидат в члены или член Политбюро. Один. Рядом лишь несколько человек охраны и обслуживающий персонал.

Тут забавно то, что ничего им самим не принадлежит. Все самое замечательное, самое лучшее — дачи, пайки, отгороженное от всех море — принадлежит Системе. И она как дала, так и отнять может. Идея по сути своей гениальная. Существует некий человек — Иванов или Петров, неважно, — растет по служебной лестнице, и Система выдает ему сначала один уровень спецблаг, поднялся выше — уже другой, и чем выше он растет, тем больше специальных радостей жизни падает на него. И вот Иванов проникается мыслью, что он лицо значительное. Ест то, о чем другие только мечтают, отдыхает там, куда остальных и к забору не подпускают. И не понимает глупый Иванов, что не его это так облагодетельствовали, а место, которое он занимает. И если он вдруг не будет верой и правдой служить Системе, сражаться за нее, на месте Иванова появится Петров или кто угодно другой. Ничто человеку в этой Системе не принадлежит. Сталин умудрился отточить этот механизм до такого совершенства, что даже жены его соратников не принадлежали им самим, они тоже принадлежали Системе. И Система могла отобрать жен, как отобрала у Калинина, Молотова, а они даже пикнуть не посмели.

Нынче, конечно, времена переменялись, но суть осталась прежней. Также некий широкий ассортимент благ выдается месту, которое кто-то занимает, но на каждом благе, начиная от мягкого кресла с жестким номерным знаком и кончая дефицитным лекарством со штампом 4-го управления, печать Системы. Чтобы человек, который по-прежнему винтик, не забывал, кому на самом деле все это принадлежит.

Но я продолжу свой рассказ о льготах. При каждом из секретарей ЦК, члене или кандидате в члены Политбюро существует старший группы охраны, он же порученец, организатор. Моего старшего, вну-

мательного человека, звали Юрий Федорович. Одна из основных его обязанностей как раз и заключается в том, чтобы организовать выполнение любых просьб своего... чуть было не сказал — барина, своего подопечного.

Надо новый костюм справиться, пожалуйста: ровно в назначенное время в кабинете тихонечко раздастся стук, портной в комнатке обмеряет тебя сантиметром, на следующий день заглянет на примерку, и извольте — прекрасный костюмчик готов. Есть необходимость в подарке для жены на 8-е Марта? Тоже проблем нет: принесут каталог с целым набором вариантов, который удовлетворит любой, даже самый изощренный женский вкус: выбирай! Вообще к семьям отношение уважительное. Отвезти жену на работу, с работы, детей на дачу, с дачи — для этих целей служит закрепленная «Волга» с водителями, работающими посменно, и с престижными номерами. ЗИЛ, само собой, принадлежит отцу семейства.

Забавно, что вся эта циничная по сути своей Система вдруг дает циничный сбой по отношению к родным главы семейного клана. Например, когда охрана проводила инструктаж с женой и детьми, было потребовано, чтобы они не давали мне овощи и фрукты с рынка, поскольку продукты могут быть отравлены. И когда дочь робко спросила, можно ли есть им, ей ответили: вам можно, а ему нельзя. То есть вы — травитесь, а он — святое...

Москвичи обычно останавливаются, когда по улицам города, шурша шинами, на большой скорости проносятся правительственные ЗИЛы. Останавливаются не из большого почтения к сидящим в машине, а потому, что зрелище это действительно впечатляющее. ЗИЛ не успел еще выехать за ворота, а уже по всему маршруту следования оповещаются посты ГАИ. Всюду дается зеленый свет, машина мчится без остановок, быстро, приятно. Видимо, высокие партийные руководители забыли, что существуют такие понятия, как «пробка», светофор и красный свет.

Членов Политбюро по всему пути еще ведет и машина сопровождения, «Волга». Когда в мой адрес поступило несколько предупреждений с

БЕСТСЕЛЛЕР «ПУЛЬСА»

угрозами, мне тоже выделили такую «Волгу». Я потребовал, чтобы ее убрали, но получил ответ, что вопросы моей безопасности — не моя компетенция. Так что некоторое время убить меня стало совсем невозможно. Кругом была охрана. К счастью, вскоре дополнительную охрану сняли.

ЗИЛ рядом со мной круглосуточно. Где бы я ни находился, машина со спецсвязью всегда здесь же. Если приехал ночевать на дачу, водитель располагается в специальном доме, чтобы в любой момент можно было выехать.

Про дачу — отдельный рассказ. До меня она принадлежала Горбачеву, он переехал в другую, выстроенную для него.

Когда я подъехал к даче в первый раз, у входа меня встретил старший караула, он познакомил с обслуживающими — поварами, горничными, охраной, садовником и т. д. Затем начался обход. Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами. Вошли в дом — холл метров пятьдесят с камином: мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель. Идем дальше. Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой — цветной телевизор, здесь же, на первом этаже, огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванн я запутался, обеденный зал с немислимым столом метров десять длиной, за ним кухня, целый комбинат питания с подземным холодильником. Поднялись на второй этаж по ступенькам широкой лестницы. Опять огромный холл с камином, из него выход в солярий — стоят шезлонги, кресла-качалки. Дальше кабинет, спальня, еще две комнаты, непонятно для чего, опять туалеты, ванны. И всюду хрусталь, старинные и современные люстры, ковры, дубовый паркет и все такое прочее.

Когда мы закончили обход, старший охраны радостно спросил: «Ну, как?» Я что-то невнятно промычал. Семья же была просто ошарашена и подавлена.

Больше всего убивала бессмысленность всего этого. Я сейчас даже не говорю о социальной справедливости, расслоении общества, огромной разнице в уровнях жизни. Это само собой понятно. Но вот так-то зачем? Почему понадобилось так абсурдно реализовывать мечту об удовольствии и собственном партийно-номенклатурном величии? Такое количество комнат, туалетов и телевизоров одновременно не нужно никому, даже самому выдающемуся деятелю современности.

А кто платит за все это? Платит Девятое управление КГБ. Интересно, кстати, по какой статье списываются эти расходы? Борьба со шпионами? Подкуп иностранных граждан? Или по более романтической статье, например, космическая разведка?..

Для проведения отпуска также был богатый выбор: Пицунда, Гагры, Крым, Валдай, другие места. Старшему охраны выдавали, если не ошибаюсь, что-то около четырех тысяч рублей — это, так сказать, на карманные расходы. То есть зарплату на отпуск можно было не тратить. На этих летних дачах все те же богатство и роскошь. К морю подвозят на машине, хотя от дачи до него метров двести, не больше. Я, конечно, шагал сам, вообще пытался как-то встряхнуться, организовывал волейбольные команды, мы с дочерью, моим помощником и водителем играли против охраны, они ребята молодые, мощные, здоровые, а мы все равно часто выигрывали. Короче, хоть как-то я пытался в этот коммунистический дистиллированный оазис внести нечто человеческое, бурное и азартное. Надо честно признать, удавалось мне это с большим трудом.

Может быть, я выскажу небесспорное мнение, но думаю, перестройка не застопорилась бы даже при всех тех ошибках в тактике, которые были совершены, если бы Горбачев лично смог переломить себя в вопросах спецблаг. Если бы сам отказался от совершенно ненужных, но привычных и приятных привилегий. Если бы не стал строить для себя дом на Ленинских горах, новую дачу под Москвой, перестраивать еще одну дачу в Пицунде, а затем возводить новую суперсовременную под

Форосом. И в конце концов с пафосом говорить на съезде народных депутатов, что у него вообще нет личной дачи. Как же лицемерно это звучало, неужели он сам этого не понимал? Все могло бы пойти иначе, ибо не была бы утеряна вера людей в провозглашенные лозунги и призывы. Без веры невозможны никакие самые светлые, самые чистые преобразования. А когда люди знают о вопиющем социальном неравенстве и видят, что лидер ничего не делает, чтобы исправить эту бесстыдную экспроприацию благ высшей партийной верхушкой, испаряются последние капельки веры.

Почему Горбачев не смог этого сделать? Мне кажется, тому виной его внутренние качества. Он любит жить красиво, роскошно, комфортно. Ему помогает в этом отношении его супруга. Она, к сожалению, не замечает, как внимательно и придирчиво следят за ней миллионы советских людей, особенно женщины. Ей хочется быть на виду, играть заметную роль в жизни страны. Наверняка в сытом, богатом, довольном обществе это было бы воспринято нормально и естественно, но только не у нас, по крайней мере не сейчас. Это тоже ошибка Горбачева, он не чувствует реакции людей.

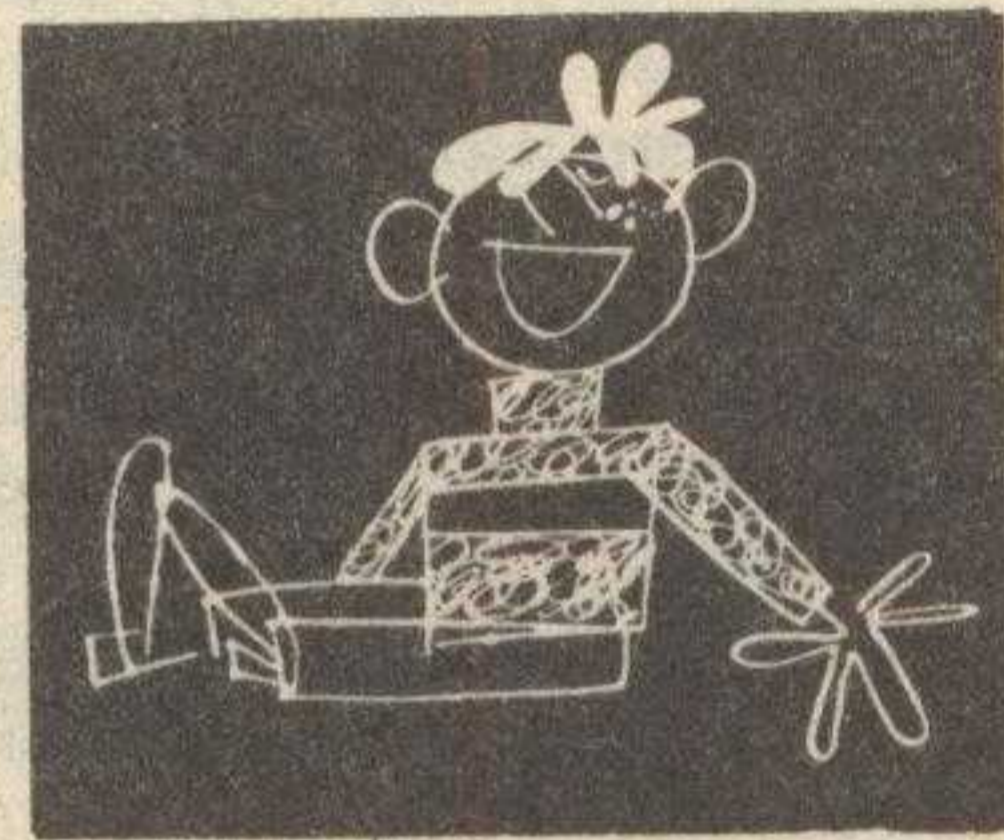
Да, впрочем, откуда он может ее чувствовать, если прямой и обратной связи с народом у него нет. Его встречи с трудящимися — маскарад, да и только: несколько человек стоят, разговаривают с Горбачевым, а вокруг целая цепь охраны. А людей этих, проверенных, изображающих народ, на специальных автобусах подвозили... И всегда это — монолог. Ему что-то говорят, а что, он не слышит и слышать не хочет, говорит что-то свое...

А ЗИЛ для жены? А инициатива Горбачева поднять заработную плату составу Политбюро? Люди все это как-то узнают, скрыть ничего невозможно. Моей дочери на работе дают по куску мыла в месяц, хватает с трудом. Когда жена по два, по три часа в день ходит по магазинам и не может купить самого элементарного, чтобы накормить семью, даже она — спокойная, уравновешенная — начинает нервничать, переживать, расстраиваться.

Конечно, никуда наша номенкла-

тура не денется, придется ей и отдавать свои дачи, и отвечать перед людьми за то, что цеплялись руками, ногами и зубами за свои блага. Да и сейчас уже начинают они платить по счетам за свое номенклатурное величие: провалы партийных и советских функционеров на выборах — это как раз первый звоночек. Они вынуждены уже сейчас делать шаги навстречу требованиям трудящихся. Но уступки делаются с таким трудом, с таким скрипом, от благ так не хочется отказываться, что в ход идут любые ухищрения, вплоть до прямого обмана, лишь бы процесс этот притормозить.

Продолжение следует

Ну что сказать? Ельцин, он и в Африке Ельцин. Позволю себе процитировать немножко. Например: «Я не помню, чтобы когда-нибудь хотя бы раз попытался выступить достаточно резко против. Но я все-таки встречал». А вот еще: «Иногда сам себе задаю вопрос: как же я оказался среди них?.. Я ведь не выдержал, взбрыкнул, а этого никогда, многие десятки лет, не происходило». По этому поводу один каламбур вспомнился: «Скромность украшает человека, но он не любил никаких украшений». Ничего сказано, а? И к случаю подходяще.

Но вообще любопытно написано, с продолжением 'опять же... Долгонько, правда, ждать, зато не шесть и не червонец стоит. Ладно, дальше поехали.

Вы спрашивали, что за журналы упоминаются в комиксе, который нарисовал для 20-го номера «Пульса» Игорь Махмудов? Читайте!

«Община». Этот журнал только сейчас выходит на широкого читателя, хотя существует уже более трех лет, имеет свои традиции, знатоками называется среди лучших общественно-политических журналов страны. Но бьюсь об заклад, вы о нем еще не слышали. Относится он к тому пласту отечественных изданий, что еще в этом году назывались самиздатом. К 1983 году режим Брежнева — Андропова с самиздатом почти покончил, и только несколько лет спустя, когда климат в стране стал чуть теплее, самиздат ожил. К таким первым росткам «нового» самиздата и относится «Община».

Основанный в сентябре 1987 года несколькими студентами и выпускниками исторического факультета МГПИ, журнал представлял собой интересное зрелище: 25 страниц на машинке под копирку, на некоторых копиях буквы едва различались, и редакция иногда занималась прорисовкой самых непонятных мест. Но уже первый тираж (20 экземпляров!) ушел в разные концы Советского Союза. Затем были ксерокс, ротатор и вот, наконец, в 1990-м — офсетный станок.

Чтобы не быть слишком субъективным, позволю себе цитату. Вот что пишет об «Общине» «Справочник периодического самиздата»: «В своем нынешнем виде журнал сведущ во всем, что происходит в общественной жизни, учен, зубаст, в меру ироничен. «Община» заметно выделяется на общем самиздатском уровне приверженностью к русской истории, написанной не по школьному учебнику, а по архивным материалам... Наиболее насыщена практически полностью незнакомой читателю исторической

информацией рубрика «Страницы истории». Читается как детективный роман. Не менее увлекательны материалы из рубрик «Галерея героев», «К юбилею...» и редакционные «передовые» статьи. Впрочем, читая журнал, ни на одной странице не забудешься, что в руках у тебя — «орган анархо-синдикалистов». Как в статьях теоретического, иногда даже философского толка (есть и рубрика такая — «Проблемы мира и анархизма»), так и в материалах, напрямую с анархизмом не связанных, читатель без усилий может разглядеть, что лицо истинного русского анархизма совсем не похоже на ту устрашающе-нетрезвую рожу, которую нам преподносили в официальной версии.

Интересны рубрики «Оценки и мнения», «Казачи пишут», «Кто есть кто», «Ветер носит...». Редколлегия журнала не откажешь в чувстве юмора, особенно удаются «Общине» материалы дискуссионного характера. Всегда обширен раздел «Хроника общественного движения».

И последнее, что выгодно отличает «Общину» — очень удачные, органичные иллюстративные материалы, остроумные карикатуры, афористично оформленные обложки».

В. Т.

«Метал хаммер». Родина этого журнала — бывшая Западная, а сейчас просто Германия. За короткое время этот сравнительно небольшой журнал разросся в громадный издательский конгломерат, и сейчас «Метал хаммер» выходит в Англии, Испании, Бельгии, Нидерландах, Греции. Была попытка издания его в СССР, но в силу обоюдного — с нашей стороны и «их» — идиотизма ничего хорошего из этого не получилось.

Но начнем по порядку. Каждый номер открывается редакционной статьей — легкий, изящный материал аналитико-эссеистского характера. Затем — рубрика «Горячие и тяжелые новости». Здесь упор делается в основном на перемещения музыкантов в ведущих европейских группах, сообщения о контрактах с фирмами грамзаписи, немного скандальных новостей типа «в середине турне гитарист Брум исчез, группа «Хрум» ушла в тяжелый запой, но всех спас Бум, недавно вышедший из состава «Пум».

Далее серия статей и интервью, возможен рассказ о какой-нибудь фирме или ведущем продюсере.

Обязательна викторина, победитель которой награждается компакт-диск, майкой, кассетой или постером какой-либо приличной группы с автографами. Еще можно назвать обзор новых пластинок, хит-парады альбомов и синглов, вольные фотозарисовки весьма посредственных фотографов, где в качестве моделей выступают весьма нефотогеничные молодые люди, именуемые рок-звездами.

Расписание гастролей, в день по 10—12 групп — нам такого не понять, обзоры читательской почты, неизменный простенький кроссворд, энциклопедические данные по сравнительно новым группам...

SOLDIER OF FORTUNE
(«DEEP PURPLE»)

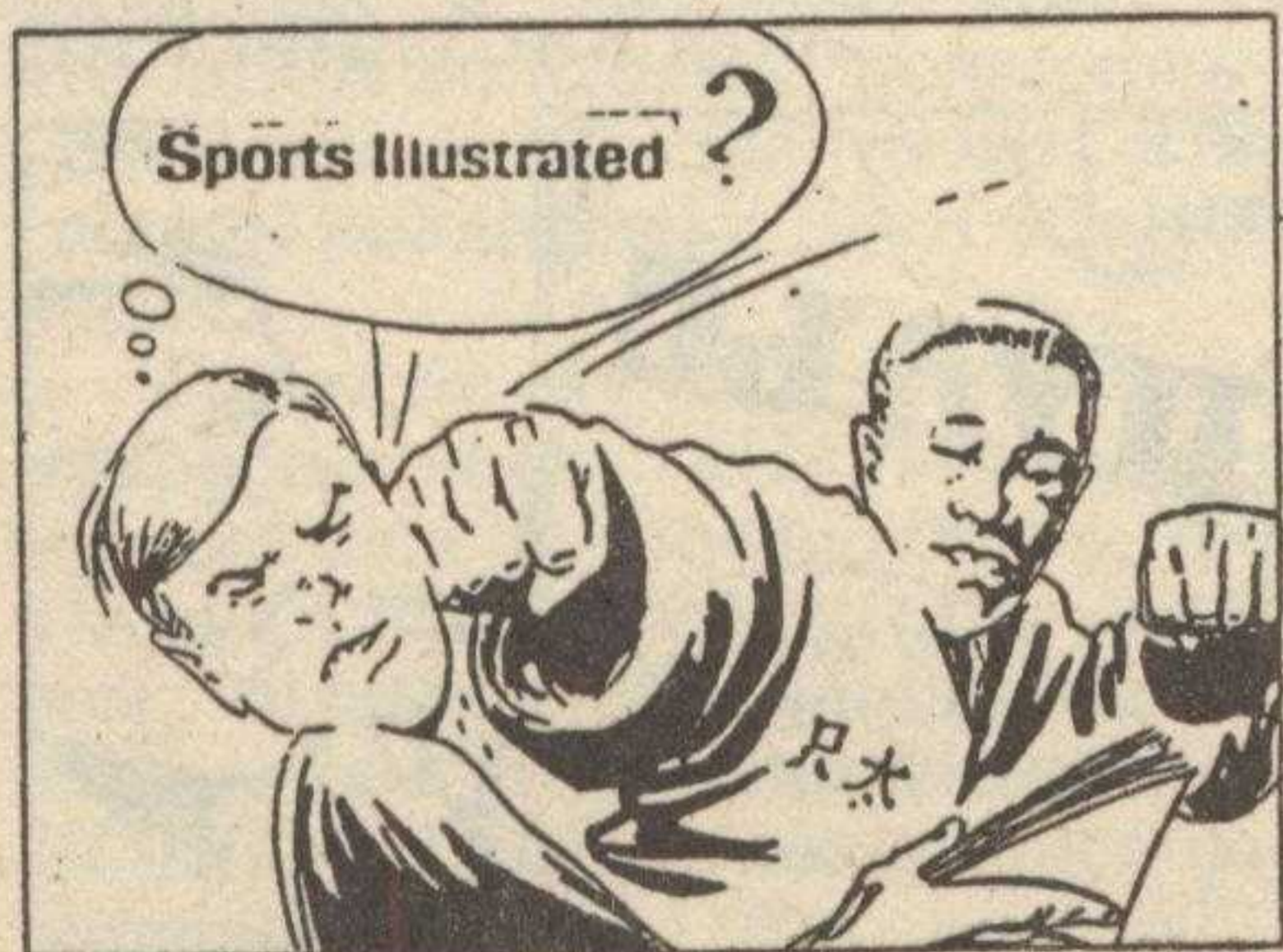
I have often told you stories about the way
I lived the life of drifter waiting for the day
When I'd take your hand and sing
You a song and maybe you would say
Come lay with me and love me
And I would surely stay

CHORUS:

But I feel I'm growing older
And the songs that I have sung
Echo in the distance
Like the sound
Of a windmill goin' round

I guess I'll always be
A soldier of fortune
Many times I've been a traveller
I looked for something new
In days of old when nights were cold
I wandered without you
But those days I thought my eyes
Have seen you standin' near
Though blindness is confusing
It shows that you're not here

CHORUS.

«Спортс иллюстрейтед». Несмотря на невероятную популярность этого журнала в Штатах, реализация его за границей ограничена, скорее всего потому, что большая часть журнальной площади отводится исключительно американским видам спорта, и прежде всего бейсболу.

Любому европейцу (к данной этнографической категории с большой натяжкой можно отнести и нашего

человека) «Спортс иллюстриейтед» покажется очень специальным изданием, но для американцев, увлекающихся спортом настолько, что эта страсть превратилась в черту национального характера, разговор на равных с тренерами, менеджерами команд, спортивными специалистами не кажется чем-то особенным. Немного о рубриках. Постоянная «карточка участника соревнований», где анализируются самые различные проблемы, начиная с судейства и кончая допингами и телекомментариями. Обязателен большой аналитический материал о каком-либо традиционном американском виде спорта, как правило, о бейсболе, баскетболе или

американском футболе, с экскурсами в историю, комментариями специалистов, фрагментами интервью звезд. Примерно в середине каждого номера помещается небольшой рассказ о восходящих звездах, обзор крупнейших соревнований, непременно отчет о достижениях спортивной промышленности. А еще значительное место уделяется интервью с болельщиками (разбирающимися в спорте на уровне наших тренеров сборных), кроме того, публикуются так называемые проблемные материалы, например, о месте пива в спорте или влиянии рок-музыки на результаты плановых тренировок.

«Плейбой»... Вершина американской и мировой журналистики, самое престижное издание Америки, о публикации в котором может мечтать только тот, кто мыслит достаточно неординарно — а это главный критерий подхода этого журнала к материалам. Происходит что-то из ряда вон выходящее: давно забытый актер получает «Оскара», еле сводящая концы с концами группа записывает альбом, который становится событием года, скандалы в артистической богеме, телезвезды, короли спорта — все это находит отражение на страницах «Плейбоя».

И, конечно же, девочки! Но какие! Когда в начале 50-х годов Хью Хеффнер приступил к изданию «Плейбоя», он пошел по пути, который сейчас может показаться тривиальным, но тогда стал залогом издательского успеха: вместо недоступных белокурых красоток (голливудский стандарт), которые выглядывали из каждого журнала, будущий король мировой прессы предпочел «герлс некст дор» — соседскую девчонку, и — выиграл.

Ни один мужчина, если, конечно, он не полный идиот и не супермиллионер, не будет представлять себя компании,

например, Ким Бессеинджер или Изабель Аджани: дамы подобного класса, помимо сверхдорогостоящей экипировки воображаемого спутника, требуют и столь же нереальных интерьеров, встречающихся разве лишь в фильмах Верховерена. А девочки «Плейбоя» дают такую возможность. Это не значит, что они — нечто дешевое и невзыскательное, просто они — реальные кандидатуры реальных мужчин. А читатели «Плейбоя» — средние американские мужики, от которых в конце рабочего дня пахнет потом, правда, в отличие от наших они по утрам моются, каждые два часа пользуются дезодорантом и потому в финале пахнут не столь тошнотворно. И еще. «Плейбой» начисто лишен хамства — публикации могут быть сколько угодно смелыми, балансирующими на грани «фола», но быдлистыми — никогда. На нашу почву данная модель не ложится; в стране, где хамство — поголовное, от магазина до Верховного Совета, рассчитывать на интеллигентную прессу особо не приходится.

Вместе с комиксом по «ихним» изданиям путешествовал

Сергей КАСТАЛЬСКИЙ

ЗА ФАКТОМ

Но нужно мстить погибшим

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению; и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем.

ЕККЛЕСИАСТ, 9:5—6.

«...В Москве создан Международный неправительственный благотворительный фонд «Вечная память солдатам», целью которого является оказание помощи всем страждущим участникам второй мировой войны, сооружение памятных мемориалов всем погибшим на территории СССР и других стран солдатам, увековечивание их имен, преодоление идеологических и политических последствий второй мировой войны.

Попечителями фонда стали пятнадцать народных депутатов СССР, среди которых был безвременно ушедший от нас лауреат Нобелевской премии мира академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Дав согласие возглавить фонд, Андрей Дмитриевич сказал: «Это святое дело может примирить многие страны и многих людей».

Когда мы в редакции прочитали эту декларацию (перед вами начало, весь текст длиннее), признаемся, возникло два чувства: во-первых, скептическое — не слишком ли часто различные организации, фонды, которые нынче растут как грибы после дождя, стали использовать имя Сахарова в качестве прикрытия, что ли? А во-вторых, появилось любопытство — что значит «ВСЕМ погибшим солдатам»? Всем без исключения?...

Чтобы не мучиться сомнениями, корреспондент «Пульса» решил встретиться с президентом фонда «Вечная память солдатам», адвокатом, известным кинодраматургом Анатолием Филипповичем БЕЗУГЛОВЫМ. Предлагаем запись состоявшейся беседы.

КОРР.: Анатолий Филиппович, прежде чем расспрашивать вас о деятельности фонда, хотелось бы лучше узнать о самой идее, которая легла в его основу. О каком примирении стран и людей говорил академик Сахаров? До сих пор приходилось слышать лишь об укреплении дружбы и сотрудничества между государствами.

А. Б.: «Укрепление дружбы» — это больше политический термин, чем выражение человеческих чувств, так мне кажется. Чтобы объяснить идею примирения и идею создания фонда, мне придется вернуться в военную пору, в сороковые годы.

Я, как солдат, истребитель танков, пережил все «прелести» второй мировой войны. Очень много друзей похоронил на фронте. Расчет моего орудия погиб при трагических обстоятельствах, я один остался жив. И вот тогда, может быть, впервые я поклялся перед ними, своими друзьями, что-то для них сделать. В конце концов «что-то» приобрело вполне конкретные очертания.

Но главная мысль, что всякий солдат — это прежде всего жертва войны, мне стала ясна еще в 1942 году. Тогда мне было 17 лет. Жил я под Сталинградом. Когда началась война, я вместе с беженцами попал на Кавказ. Там нас отрезали гитлеровские части, и я оказался в оккупации.

Вы знаете, правда о войне, а особенно об оккупации, еще вообще не сказана. Тот стереотип, который насаждала наша пропаганда, он лишь малая толика правды, но он жив и поныне. Отношения между нашими людьми и немцами в оккупации, особенно в начале войны, я определил для себя как отношения рыб в аквариуме. Незнание языка делало их непроницаемыми, потому они и строились на примитивном уровне: «Матка, яйца, курка, млеко...» На этом все обрывалось.

Я рос среди русских немцев и немецкий язык знал. Это дало мне возможность общаться с немецкими солдатами... Больше того, когда я решил доехать до дома под Сталинград, они помогли мне на своей машине добраться до железной дороги — это тысяча с лишним километров — и, договорившись с охраной, посадили в немецкий воинский эшелон,

который доставил меня прямо до нужной станции. Именно там в эшелоне я впервые увидел наших пленных солдат, распевавших от радости, что остались в живых, песню «Запрягайте, хлопцы, коней...».

То есть оказалось, что люди, в общем-то, везде люди. Особенно это касается молодежи. Ведь на чем мы сошлись, а если называть вещи своими именами, сдружились с немецкими солдатами? Я был с самого начала убежден и говорил им об этом, что немецкая армия обречена на поражение. Хотя бы только потому, что СССР обладает огромнейшей территорией и наш народ воюет на своей земле, а не пришел сюда за тысячи верст. Я им говорил: «Ребята, самое страшное, что у нас сейчас делается — это сопротивление вам. Если бы мы просто бежали до Урала, то это был бы лучший способ погубить гитлеровскую армию без единого выстрела. Вы изнеженные цивилизацией люди и, главное, совершенно неподготовленные к зиме».

Разговоры на эту тему были для них как шок. Потому что как мы боялись НКВД, так и они боялись своего гестапо. И они были потрясены, что нашелся безумец, который говорит с ними о том, о чем они даже боялись думать. Когда во время нашей беседы входили посторонние солдаты, то сразу начиналась губная гармошка, анекдоты и тому подобное, все как и у нас. И эти ребята, немцы, признавались, что Гитлер — это дерьмо, что фашизм им так же мерзок, как и нам, но им ничего не оставалось делать, как надеть солдатскую форму и идти убивать других людей.

И мне тогда уже стало до конца ясно, что немецкий фашизм — это оборотная сторона сталинского тоталитаризма. Это две абсолютно идентичные системы.

Суть любого тоталитаризма, как бы он ни назывался, всегда одна — пренебрежение отдельной человеческой личностью с ее неповторимым внутренним миром, с ее правилами и общественными притязаниями, и подавление этой личности ради всеобщего счастья. Этот дьявольский соблазн манил не только вождей тоталитаризма, но и их жертвы. Именно поэтому жертвы часто ста-

новятся палачами.

И Сталинградская битва была битвой двух гигантских тоталитарных систем. Мой брат провел в Сталинграде всю эпопею и рассказывал обо всех ужасах, что там творились. За Волгу не пропускали никого, даже раненых. В Сталинграде можно было только умереть или победить. К тому времени и мы уже знали, что фашисты — это не сахар. И тех самых солдат, что пели «Запрягайте, хлопцы, коней», я позже видел в лагерях. Эти голодные, измученные люди пылали такой ненавистью к немцам, что готовы были с голыми руками идти на пулеметы.

В январе 1943 года мы были освобождены нашей армией, и все гражданское население поселка мобилизовали на уборку трупов погибших солдат. Я видел тысячи и тысячи раздавленных гусеницами танков, когда танкисты наши, упоенные победой, давили порой еще живых людей, разорванных снарядами, расстрелянных и просто замерзших русских, немецких, итальянских, румынских солдат. Они валялись вперемешку в заснеженной и бескрайней сталинградской степи. Мы собирали их в противотанковые рвы и воронки от бомб, а весной кое-как засыпали землей.

Потом, уже будучи солдатом и участвуя в боях, я видел множество смертей, но те страшные картины собранных в кучи человеческих тел до сих пор сняты мне по ночам. И я уже много лет думаю над тем, что разве по своей воле все эти несчастные люди попали в такую жуткую мясорубку? И всю войну я уже смотрел на противника другими глазами.

КОРР.: У вас не изменилась точка зрения после того, как вы сами попали на фронт?

А. Б.: Нет. Солдат — это жертва. Войны начинают политики, а солдаты дают присягу, у них железная дисциплина...

КОРР.: Но ведь так можно оправдать очень многое...

А. Б.: Не оправдать — простить! На войне личные убеждения ничего не значат. Я встречал массу немцев, солдат да и офицеров, которые ненавидели фашизм, но они исправно воевали до самого рейхстага, потому что другого выхода у солдата прос-

то нет. Солдат настолько законформирован, что от него совершенно ничего не зависит. Сзади у него заградотряд, впереди враг, который никакого понятия не имеет о твоём личном настроении. Добавьте сюда фронтовые службы безопасности, как у нас, так и у немцев, СМЕРШ и так далее.

И вот эта мысль, что солдат — жертва войны, она подспудно все время у меня зрела. Я думал, как бы все-таки примирить солдат разных армий, хотя бы тех, кто погиб. Показать всему человечеству, что война — вообще нелепость, какой бы она ни была! Особенно сейчас, после Чернобыля...

Армии сохраняются, потому что их некуда деть. У нас пять миллионов армия, у американцев три. Попробуйте избавиться от военных. От армии труднее избавиться, чем ее породить. Это миллионы хорошо организованных людей, у которых к тому же в руках оружие. А война всегда мне казалась определенным видом людоедства. Ведь погибали прежде всего молодые, лучшие люди, которые были у нас и в Германии. Не погибнуть солдату вообще очень трудно.

На фронте есть такая полоса — я определял ее для себя метров в пятьдесят, — где убивают все и всех. Даже если ты остался жив, ранен. Из боязни выстрела в спину, из-за того, что возиться с тобой некогда, просто потому, что везде стреляют. И если, скажем, немецкий солдат проходил эту полосу, то ли спрятался, то ли притворился мертвым — его уже не трогали. Я начинал войну в Румынии, Чехословакии, Австрии, когда у наших людей позади было уже столько несчастий, причиненных фашистами, столько потерь, что, казалось, они могли теперь только ненавидеть. Но сто метров от линии фронта — и пленных немцев наши солдаты сажали рядом, и водки наливали, и салом делились, и смеялись вместе... Наш народ страшно отходчив, я убедился в этом.

И меня больше удивляет сегодняшняя молодежь, которая, не зная и не понимая войны, того, как она проходила, негодует на нас, возмущается и даже грозит. Что же вы, мол, всех хотите реабилитировать?!

Всех хотите помянуть?!

Они не понимают того, что убитый солдат — это уже не враг. Это жертва. Это человек, который отошел в мир иной. И его уже не нужно ненавидеть. Вот из таких мыслей и родилась идея нашего фонда.

КОРР.: И все же, Анатолий Филиппович, я думаю, что если вы сегодня захотите где-то поставить надгробие, памятную доску, не говоря уже о мемориале погибшим немецким солдатам рядом с памятником солдатам советским, вы встретите жесткое сопротивление и негодование со стороны семей, потерявших в эту войну родных, со стороны ветеранов, просто людей, живущих рядом. И их вовсе нетрудно будет понять.

А. Б.: Да, такие случаи уже есть. К нам приходят люди, они страшно возмущены. Но! После того как они знакомятся с нашими идеями, документами, моими письмами к различным выдающимся людям современности, к союзникам по антигитлеровской коалиции, они становятся нашими сторонниками. Им открывается простая в общем-то мысль, что **жить одной мезтью, жить только непощением нельзя** — это немисливо для человека! Ведь существует даже заповедь Господня: прости, и сами прощены будете.

Приходила ко мне недавно одна женщина. У нее в войну погибла вся семья. Она пришла и сказала: «Я узнала о том, что вы хотите делать. Я взорву ваш фонд». Мы остались вдвоем и много часов очень трудно говорили. Я рассказал ей такую историю. У меня трагически погибла мама. Она сидела на лавочке, когда в нее врезался грузовик с пьяным шофером. Узнав об этом из телеграммы, я решил во что бы то ни стало добиться расстрела этого мерзавца. Мне помогло бы в этом мое знание юриспруденции.

Но когда я приехал, то узнал, что у этого шофера в тот день умерла жена, оставив у него на руках троих детей. И вы знаете, спустя два дня я все-таки понял, что добиваться мести нельзя. Я его простил, как бы это ни было тяжело для меня, и более того, даже придумал ему версию, чтобы он получил наименьшее наказание. Его осудили условно.

Дик Ричард Сквайрс — секретарь комитета «Северная Россия», участник военно-морских конвоев РQ (с п р а в а). Анатолий Филиппович Безуглов, президент фонда «Вечная память солдатам» (с л е в а).

В Москве, в парке Дружбы Международный неправительственный фонд «Вечная память солдатам» совместно с Союзом ветеранов Афганистана и Московским городским советом военно-патриотического объединения воинов-интернационалистов намерены установить памятник советским солдатам, пострадавшим в трагической афганской войне.

На с н и м к е: один из наиболее удачных эскизов этого памятника.

Думаю, что я поступил правильно и мама поняла бы меня. Поняла меня и та женщина. Она все-таки пришла к выводу, что так дальше продолжаться не может. Ненависть не должна быть основой нашей жизни и наших отношений с людьми, даже если эти люди ненавидят нас или ненавидели когда-то. И она, уходя, призналась, что ей стало легче на душе. В этом и заключена вся мудрость религии, мудрость Бога, если хотите.

КОРР.: Наверное, у вас хорошие взаимоотношения с церковью?

А. Б.: Не только. В Совет попечителей нашего фонда входят: Чингиз Айтматов, Евгений Велихов, Борис Патон, Юрий Афанасьев,

Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, другие не менее известные люди. Но, конечно, и священнослужители различных конфессий — муфтий мусульман Средней Азии Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Делу фонда покровительствует глава Римской Католической Церкви Папа Иоанн Павел Второй. А также королева Испании София и генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр.

КОРР.: Вы пытались реализовать идею фонда раньше?

А. Б.: Пытался, но это было совершенно бесполезно. Даже мои близкие друзья меня не понимали. Они говорили: ты что, с ума сошел?

А я утверждал, что пока мы не помиримся, не примиримся, не простим тех людей, что пришли как завоеватели на нашу землю, мы не сможем нормально развиваться дальше.

Это становится ясно именно сейчас, когда мы приблизились к тесному мировому сотрудничеству. Когда мы — я абсолютно в этом уверен — должны будем принять тысячи только немецких фирм, бизнесменов, немецких банков, без которых вообще можем погибнуть. И легче будет это сделать, если мы простим тех солдат, которые приходили сюда в сорок первом. Если мы первыми протянем руку милосердия. Пусть для начала это будут задуманные нашим фондом мемориалы примирения.

КОРР.: Первыми ли? Ведь во многих странах Европы, в том числе и в Германии, существуют памятники советским солдатам?

А. Б.: Я имею в виду первый шаг к примирению именно с нашей стороны, со стороны России. Страшно важно его сделать! Ведь надо учитывать, что у нас почти нетронутой сохранилась имперская психология, комплекс исключительности. Наш народ на протяжении тысячелетия постоянно пребывал в завоеваниях различных территорий. Русь все время кого-то покоряла. Мы захватили одну шестую часть света, хотя начиналось все с маленького Московского княжества. Мы завоевывали и на завоеванных землях ставили памятники завоевателям, или, как их принято у нас называть, — освободителям.

Но чужих памятников мы на своей земле не терпим. Я не могу, например, представить себе у нас памятника Наполеону...

КОРР.: Но на Бородинском поле есть памятник погибшей французской армии.

А. Б.: Армии, но не Наполеону. И памятник этот был поставлен не нами, а французами уже в 70-х годах нашего столетия. Хотя было бы естественно с исторической точки зрения видеть памятник Бонапарту в Москве. Он великий полководец, он был в нашей столице, тем более столько лет прошло...

Но вот несколько лет назад французы попросили разрешения поставить стелу на реке Березине, где

погибло много их соотечественников. И местное население восстало. Причем особенно рьяно выступала молодежь. Это и есть гены имперской психологии. Что вот нам позволено везде ставить свои памятники, а более никому.

Кстати, в Европе находятся памятники многим нашим полководцам, и там чтут наши могилы. Есть Кутузову, Суворову, Петру Первому. Там никому и в голову не приходит мстить им через десятилетия и века. Мстить, по сути, памяти усопших. Там понимают, что есть определенные исторические обстоятельства, в которых действовали эти люди, и надо как-то подводить черту под всеми этими войнами, ссорами. И потому, я уверен, что идея примирения хотя бы мертвых, благотворно скажется на живых.

КОРР.: Однако в той же Европе сегодня нередко оскверняют могилы советских солдат, русские кладбища?

А. Б.: Вы знаете, солдатские могилы почитались во все времена истории, потому что люди понимали — человек пришел сюда и погиб не по своей воле. Он встретил смерть, как солдат, выполняя присягу, и винить его за это нелепо.

Да, сегодня мы столкнулись с фактами осквернения могил наших воинов в Восточной Европе. Но заметьте, их оскверняют там, где были посеяны семена сталинизма. Их не оскверняют в Западной Германии, в Испании, в Японии, больше того, они там все ухожены. А те, кто поднимает руку на солдатские надгробия, даже не понимают, что издеваются они прежде всего над жертвами сталинизма, а не над его рулевыми.

КОРР.: Анатолий Филиппович, вам не кажется, что многие люди не воспримут саму идею создания мемориалов? Не именно этих, а вообще создания каких-то мраморно-бетонных комплексов памяти за большие деньги. И главным аргументом будет тот, что мы и так нищие. Может быть, пустить эти деньги на создание больниц, реабилитационных центров, санаториев, на материальную помощь ветеранам войны, их семьям?

А. Б.: Безусловно, всем этим фонд будет заниматься и уже занимается.

Мы учредили ряд предприятий, которые часть прибыли будут отдавать фонду. Из этих средств мы станем доплачивать солдатским вдовам, как уже делаем в своем районе. Оказывать помощь комитетам ветеранов войны, создавать для ветеранов производства, чтобы те, кто еще в силах, мог дополнительно заработать. У нас создан первый в мире солдатский коммерческий банк. Это реальная возможность оказать помощь всем участникам войны. Они получают льготный процент и льготный кредит.

Что касается первой части вашего вопроса, то я в своих обращениях к лидерам западных стран не устаю подчеркивать, что мы вышли из той страшной войны настолько обескровленными, что у нас до сих пор нет сил захоронить сотни тысяч своих солдат, не говоря уже о миллионах чужих. Мы и сейчас настолько бедны и неустроены, что всерьез рассчитывать на то, что у нас найдутся средства на увековечивание памяти обо всех погибших на нашей земле, нереально. Поэтому воевавшие и ныне обретшие благополучие народы должны помочь нам залечить раны, нанесенные войной, помочь всем до сих пор страдающим солдатам, их вдовам.

И тогда мы сможем захоронить по религиозным обрядам каждой страны всех павших солдат, воздвигнуть на местах сражений мемориалы примирения и прощения, оставив потомкам память о наших страданиях и ужасах тоталитаризма. Тогда наш народ поверит в искренность покаяния и намерений тех, кто приходил когда-то на нашу землю с мечом, и простит всех, причинивших ему зло. То есть создание мемориалов, госпиталей должно происходить за счет иностранных пожертвований. Ибо было бы кощунством требовать этого от народа, одержавшего величайшую победу, которая обернулась для него, из-за беспощадной диктатуры, неизмеримыми потерями. Конечно, нам нужно помогать.

Беседовал
Андрей БЕЛЯКОВ.

Вот тебе и «об армии». Такого я еще не читал. Как другие не знаю, но я — нет. Мнится мне, что Анатолию Филипповичу впору личным бронжилетом запасаться. С каждым-то не поговоришь по душам, каждому не растолкуешь, о чем речь идет, да и не у всех она отыщется сегодня — душа. Духу крепкого, крутого навалом, а вот с духовностью напряженка. Да и прощать нас как-то не слишком учили. Чего это ради? Опять же слово «месть» для нас куда привычнее и даже святее, пожалуй. Царю отомстили, помещикам отомстили, мировой буржуазии отомстили, троцкистам отомстили, Сталину отомстили, нынче мстим коммунистам, а заодно и дедушке Ленину под горячую руку. А тут каким-то оккупантам прощать зовут — не дело это. Мало ли что мы сейчас нуждаемся в помощи Запада. Пусть помогает. Перетерпим, не такое терпели, а уж потом, как водится... отомстим помощникам. Не заржавеет! Или не будем?

«Имперское мышление», «тоталитаризм» — верно все. Только если вы заглянете в Библию — я, признаюсь, не удержался, — то окажется, что Анатолий Филиппович, в общем-то, ничего нового не придумывал.

И ведь что получается: Библия написана с десятков веков тому назад, а для нас и сегодня все еще в диковинку. Может, правда, мы как-то не так живем? Ох, голова начинает пухнуть. Пойдем дальше...

ВРАГ

ЗЛОЙ НЫНЧЕ СТАЛ НАРОД... НЕДОБРЫЙ! А ВСЁ ПОЧЕМУ?

-А ПОТОМУ, ЧТО СРЕДИ НАС ПОСЕЛИЛСЯ КОВАРНЫЙ ВРАГ!

-А ИМЯ ВРАГУ - САТАНА!

СОВЕРШЕННО С ВАМИ СОГЛАСЕН.

ТЯЖЕЛО СОЗНАВАТЬ, ЧТО МЫ ЖИВЕМ В ТАКОЕ СМУТНОЕ ВРЕМЯ

КОМ

Продолжаем знакомить вас с работами студии «КОМ».

Мрачные сводь милосердия

■ Московский детский дом-интернат для глубоко умственно отсталых детей номер 11 расположен между психиатрической больницей и кладбищем. Увы, это не только география...

— Моего ребенка застудили в роддоме. Лечили. Оказалось, неправильно. Профессор потом говорил, что мы можем подать в суд. Нам с женой сына долго не показывали. Как-то надо мной сжалились санитарки: «Приходи вечером, когда врачей не будет». То, что мне показали... Я не знал, что такие дети бывают. Потом вышел к метро, с какими-то пьяницами хлопнул залпом два стакана водки. Не помогло. Дрожь только к утру прошла.

Сыну этого человека 25 лет, а выглядит он десятилетним мальчиком. И все эти годы отец три раза в неделю ездит к нему. Сережа давно переросток для детского заведения, но многие дети здесь так никогда и не становятся взрослыми. 150 человек из 250, живущих в третьем (самом тяжелом) корпусе детдома, — «сосунки»; ни жевать, ни ходить они не могут. Есть девочка — «зонтик», ее кормят через зонд.

Отец Сережи говорит о сыне как о нормальном: «Ехали мы к Сереже... Пошли мы с Серегой гулять...» А Сережа его не узнает. Как не различает никого и ничего. Только когда отец берет сына на руки, чтобы посадить в коляску, тот начинает гукать. Это все, что он умеет.

В первых двух корпусах дети благополучнее. Таких можно изредка встретить на улице под присмот-

ром родителей. А в третьем у всех набор таких диагнозов, что от каждого из заболеваний можно умереть в любой момент. Состояние ужаса охватывает, когда впервые оказываешься в палате среди них. Нет, есть и красивые лица. Но у девочки с огромными черными глазами — нечеловечески пустой взгляд. Им все все равно. Они могут разорвать и проглотить одежду, обглодать известку со стен. Однажды ребенок умер от разрыва желудка — родители перекормили. Им все кажется, что ребенок остановится сам. Но он не остановится, потому что просто не ощущает сытости.

Без больших доз сильнейших лекарств эти дети не могут жить — и от них же, вероятно, наделены фантастическими способностями. Тоненькими пальчиками они могут разобрать кровать-сетку по ниточкам, легко откроют любой замок. Зубы им рвут без наркоза — они не чувствуют боли. Жизнь этих ребят — даже не мучения. Они не знают, что живут. Не знают, что мучаются.

Жертв родительских пороков здесь не так уж и много. Все больше «медицинский брак». Родители, с которыми удалось встретиться, обычные, вполне нормальные люди. Теперь многие из них боятся иметь детей.

Это родители. Кто же тогда должен работать в третьем корпусе? Какие люди? Наверное, только хорошие, только очень добрые и терпеливые, только профессионалы? Действительно, в самом тяжелом корпусе постепенно сложился самый дружный и квалифицированный коллектив. Здесь просто невозможно работать спустя рукава, отбывая трудовую повинность «от звонка до звонка». А чем человек, тем более коллектив слаженнее, умнее, тем он независимее. Независимость же, как известно, раздражает...

■ В октябре 1989 года «сосункам» вместо гречки с мясом принесли прокисшую манную кашу, смешанную с гречневой. Санитарки не смолчали. Вызвали директора, тогда им была Цибизова. Наталья Васильевна попробовала пищу и сказала, что очень вкусно — можно кормить. После «вкусного обеда»

шестерых детей отвезли в больницу с дизентерией. Один ребенок умер. Директор получила выговор, а третий корпус за то, что был вынесен сор из избы, перестали предупреждать о «внезапных» проверках. Детей мол, не стоило отправлять в больницу, сами бы и вылечили — тоже как-никак медицинское учреждение.

Старшая медсестра третьего корпуса Лидия Яковлевна Энтэс до этого ЧП в интернате была на хорошем счету. Правда, без «рабочих конфликтов» не обходилось и раньше, случался и разговор на повышенных тонах. Но все внутри, по-семейному, так сказать... Вот и сейчас Лидии Яковлевне покаяться бы, поулыбаться начальнице, и все бы осталось по-прежнему, по-семейному. Нет, не смогла Энтэс забыть, а тем более простить директорское: «Очень вкусно». Тогда и столкнулась администрация детдома с непокорным персоналом третьего корпуса.

Людмила Яковлевна получила «по заслугам». Откуда дизентерия? С пищеблока? Не может быть — пищеблок готовит для всех корпусов. При этом проверяющие как-то забыли, что протертая пища идет только в третий. Среди работников корпуса устраивается проверка, и, конечно, находится виновник — санитарка Колышевская. Но Энтэс не отстранила ее от работы. Колышевская только что сдала все анализы и никакой инфекции у нее не нашли. Однако за «невыполнение указаний СЭС и администрации интерната об отстранении санитарки Колышевской от работы» старшей медсестре третьего корпуса объявлен выговор.

Лиха беда начало... Проверки, акты, протоколы и вновь выговоры, выговоры.

Недостатки легко можно найти у любого человека. Можно при желании и на взыскания не скупиться. С работы выгнать — тоже можно. Неважно, что фамилия Энтэс до сих пор возглавляет список ударников коммунистического труда. Сама-то она уже уволена «за халатное отношение к своим обязанностям».

К увольнению готовились, о чем говорят несколько весьма сомнительных выговоров старшей медсестре. А поводом послужил несчастный

случай, происшедший 10 августа, — выпал из окна ребенок. Такое бывает во всех корпусах. И хотя по устному распоряжению рамы должны быть забиты (вы помните, что дети открывают замки пальчиками), многочисленные открытые окна в интернате не редкость — духота. В этом случае мальчик вылез даже не в окно, а через форточку.

Директор, Наталья Алексеевна Панина, принявшая руководство интернатом в мае 1990 года, была возмущена тем, что Энтэс как-то странно отреагировала, узнав о трагедии. Она должна была заплакать, закричать, сообщить согласно инструкции руководству о случившемся и лишь потом подходить к ребенку. Вместо этого ее постовая медсестра вдвоем с санитаркой бросились вниз и принесли его в палату на четвертый этаж. Ребенок был уже мертв, санитарке стало плохо, и Энтэс в этой ситуации, позвонив главврачу, стала оказывать ей помощь. И не побежала извещать директора. Такой «непрофессионализм», по мнению Паниной, непростителен, нельзя Энтэс доверять здоровье и жизнь детей.

Словно по злой иронии судьбы, через две недели после увольнения Лидии Яковлевны, в первом корпусе двенадцатилетнего Володю Караулова столкнул из окна туалета третьего этажа другой воспитанник. В это время санитарка вышла за соком, а отвечающий за детей воспитатель Шаховцев вел, скажем так, нерабочие беседы в другом месте. Его группа была закрыта в классе на ключ. Ключ был отдан воспитаннику, которому часто поручалось присматривать за детьми, поскольку те его боялись. Здесь такое в обычае.

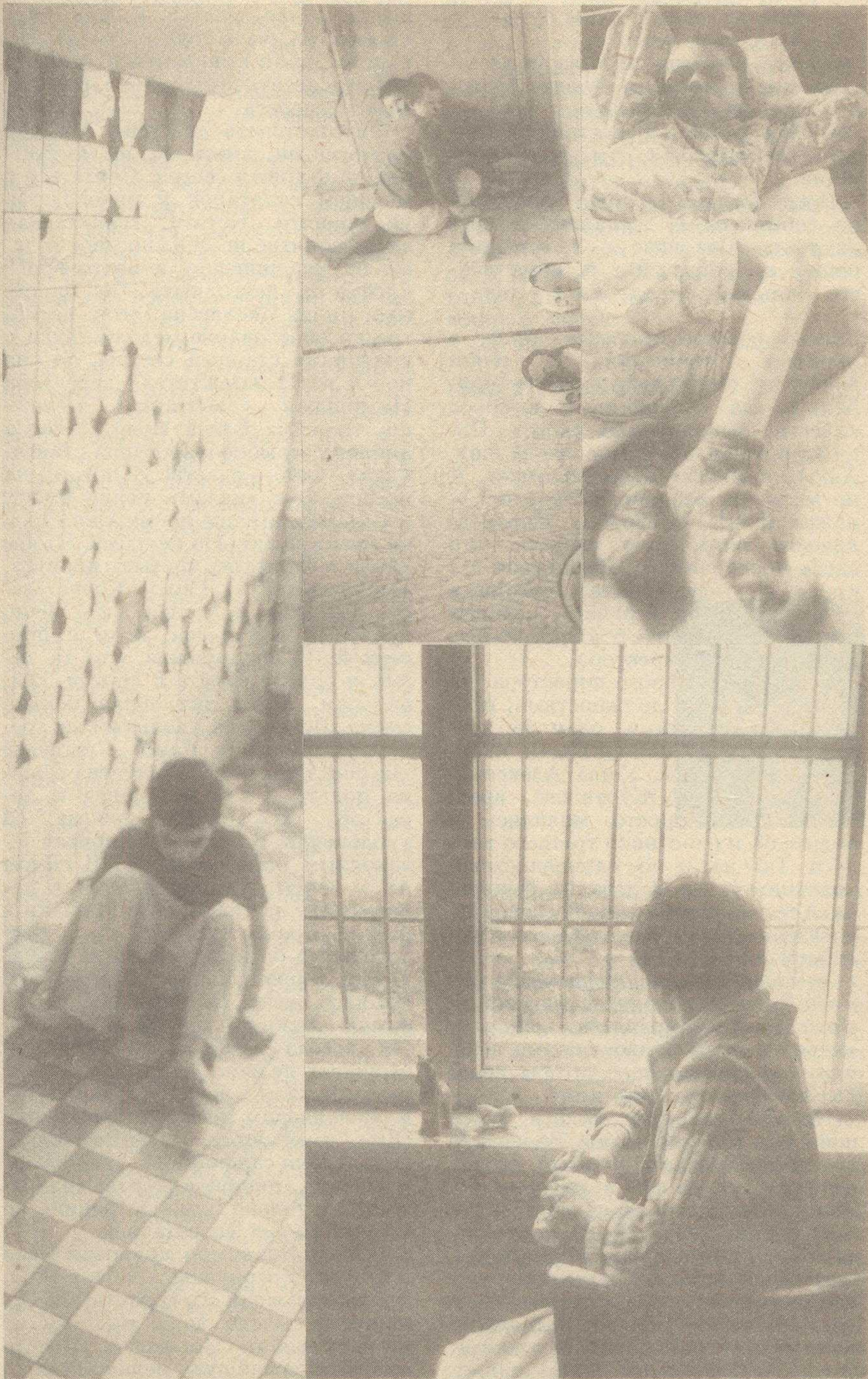
Везти ребенка в больницу поручили санитарке Горбей и посоветовали держать язык за зубами, иначе ее же и «затаскают». Велено было сказать, что ребенок упал на прогулке. В больнице удивились, что, поскользнувшись, можно получить перелом голени со смещением, но записали со слов.

Александра Ивановна плачет, рассказывая, как ехала с Володей в больницу:

— А сегодня четверг или пятница?

— Четверг.

— Значит, завтра куры будут.

— Ты есть хочешь?

— Ага. Это мы по Москве едем? А ты его кормить не будешь за то, что он меня толкнул?

— Мы его в угол поставим.

— Ты хорошая, ты всех кормишь...

После этого санитарка уволилась по собственному желанию, а воспитатель Шаховцев с 1 сентября пошел на повышение и, естественно, большой оклад. Такие дела...

Здесь, вообще, полезно быть в хороших отношениях с руководством. Могут тебе денежку прибавить «за сложность и высокое качество выполняемых работ». Поди-ка проверь это самое «качество». Любая комиссия зубы обломает. А не желаешь хороших отношений — пожалуйста! Не держим. Справедливости ради надо сказать, что здесь предпочитают обходиться без крови. И умело доводят неугодных сотрудников до горячего желания положить заявление о добровольном уходе на стол директора.

С приходом нового директора, на фоне чехарды с должностями, процентами, доплатами, один за другим стали увольняться врачи, санитарки, медсестры. Ушла Александра Михайловна Журавлева, врач, на которого просто молились и родители, и работники третьего корпуса. Там после нее единовластным хозяином стала Валентина Ивановна Алиева, ради которой специально ввели ставку заведующего отделением.

— Если ребенка переводили из моей палаты в палаты Алиевой, — рассказывает Журавлева, — та сразу отменяла подобранное годами лечение и назначала свое, чтобы через два-три дня отменить и его.

Не нам, наверное, судить, хороший или плохой врач Валентина Ивановна. Но как, скажите, объяснить такую запись в истории болезни Димы Петрова, сделанную новым завом, что у Димы педикулез нет и температура нормальная, если мальчик к тому времени уже два года жил дома с родителями.

— Я просто боялась выполнять назначения Алиевой, — говорит Энтэс. — Допустим, она пишет: «Строфантин ноль три внутримы-

шечно номер десять». Я, как старшая сестра, была обязана выдать лекарство, но от строфантина, если его вводить десять дней подряд, ребенок может умереть.

Опротестовать действия Алиевой не могли ни санитарки, ни медсестры, ни старшая сестра. Считаться с мнением санитарок у руководства не принято. Кстати, «санитарка» здесь понятие не должностное и даже не медицинское, а нечто вроде клейма на «неугодных». Так, например, Лидия Яковлевна Энтэс, несмотря на образование медработника и должность старшей сестры, до сих пор в устах заместителя директора Нестеровой — «санитарка». Неважно, что сама Едита Ионо согласно диплому «рыбообработчица-станочница». Она — власть! И потому на презрение к «низам» право имеет.

Говорят, в наше время санитарок на руках носят. Но не здесь. Чтобы уволить санитарку третьего корпуса, «писательницу», Раису Коростелеву, директор не поленилась лично прийти к ней в час ночи с проверкой. И обнаружила, что та лежит в палате вместе с детьми, как, впрочем, и вся остальная ночная смена. Всю смену увольнять не требовалось, а вот Раисе Сергеевне «не повезло». Но Коростелева решила подать в суд и пришла к директору за копией приказа об увольнении. В результате приказ загадочным образом исчез. В самом деле, зачем суд, когда можно повременить, подкараулить промахи в работе. Время терпит.

Нелегко было подловить и воспитателя первого корпуса Карданова, который ведет самую взрослую (и самую сложную) группу мальчиков. Он всегда точно выполняет инструкции, гуляет с детьми. Его группы были даже в зоопарке, на ВДНХ, в Пушкинском музее. Его мальчики сами умываются, причесываются, пользуются салфетками, пришивают пуговицы. Подобное усердие раздражало не только администрацию, но и иных коллег воспитателя.

В июле Владимир Усупович ушел в отпуск, а вернувшись, обнаружил, что замещавшая его воспитатель Зенкина за месяц даже ни разу не помыла ребят. Пообещал вынести это на ближайшую медико-педагогическую конференцию. Но на ней

Карданова обвинили в том, что он, оказывается, учит детей ломать унитазаы и раковины и с ним вообще невозможно работать. Эти заявления «добрых людей» были восприняты руководством с глубоким одобрением.

Выдвигаемые обвинения Карданов легко опровергал. Наконец последовало убедительное замечание с места: «Он что, больной? Ему что ни скажешь, он от всего отпирается!» Тут же собрание решило, что время для защиты истекло, по остальным пунктам критики он должен молчать. Причем обсуждали его люди, с которыми Карданов по работе даже не сталкивался. Но дело свое они знали — «ушли» Карданова из интерната так, что вроде бы он сам дверью хлопнул.

Чуть не каждый день бегут отсюда работники. А новеньких берут с испытательным сроком. Проверяют отнюдь не профессиональную пригодность. На покладистость.

Пока в интернате изменений «из ряда вон» нет. Но исподволь, незаметно он уже потихоньку разваливается под метлой своего ретивого руководства. Уходят лучшие. И при этом плачут. Работать становится некому. В третьем корпусе перестали мыть лестницы, детей пеленают один раз в сутки — вместо трех. Дети умирают. За месяц десять человек. Родители собираются устраивать забастовку и бороться за своих детей. Некоторые готовы применить физические методы.

■ Вся нелепость, весь ужас конфликта в том, что события разворачиваются в доме, где главным, настоящим обиженным до всех этих перипетий нет никакого дела, им все равно, в каких условиях жить. Их можно не одевать, не мыть — они ничего не попросят и ничего не скажут. В доме милосердия, призрения, в доме жалости к обделенным судьбой места для жалости и милосердия не оказалось — ни к больным, ни к здоровым.

До какого же зверства, до какого края мы дожили, если можем отнять кусок и у таких детей? Если можем недодавать им лекарства — и у них начинаются приступы. Если можем машинами вывозить стройматериалы, предназначенные для устройства

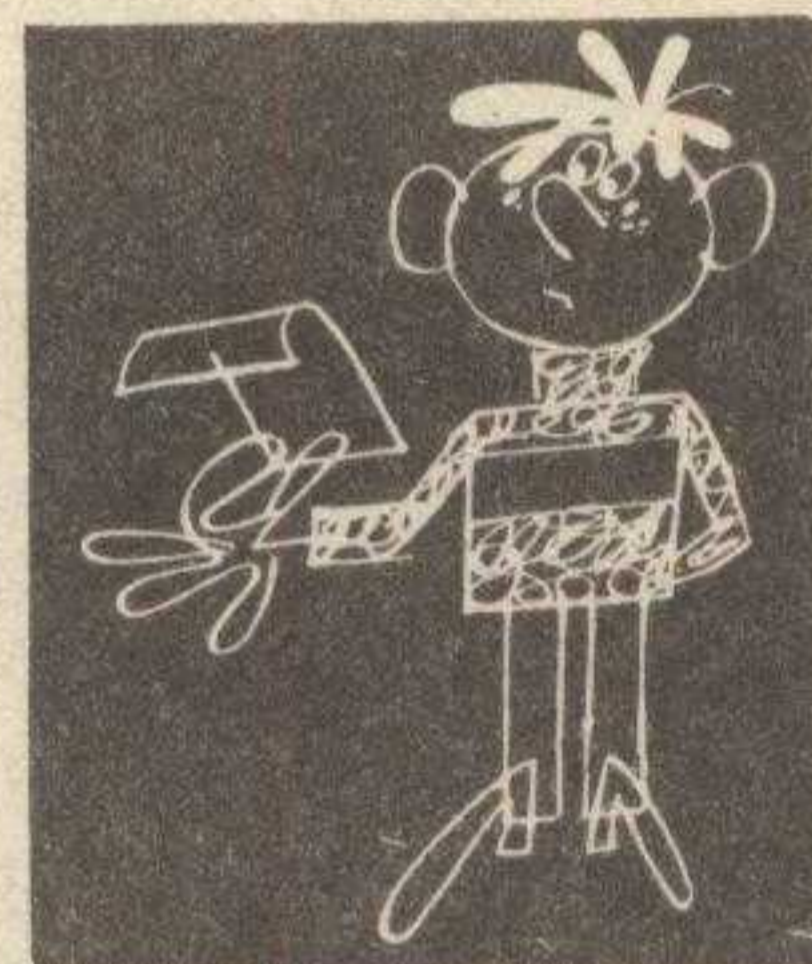
их быта. Если можем на 18 детей принести всего две порции обеда, только потому, что они не попросят добавки. И никто не станет со скандалом требовать и без того скудный минимум содержания.

— Да вы лучше убейте их всех, чем так издеваться, — кричала одна из отчаявшихся матерей.

А никто и не издевается. Директор очень любит детей. И своих любит, и чужих. И всех детей планеты тоже. Они часами сидят у кого-нибудь в кабинете и говорят, говорят о любви...

Да полноте! Только ли они?

Инна СЕМЕНОВА.

Вообще, жизнь этого детдома мне, например, очень напоминает нашу жизнь, повседневную. Верхи грызутся и тащат, а у низов и было-то немного; так теперь еще меньше стало. Зато кругом сплошные уверения в любви и заботе. И что толку говорить о милосердии, если оно у нас измеряется исключительно шорохом купюр. Кто больше отстегнет. Я знаю, что без денег далеко не уедешь, не маленький, но я еще знаю, что на одних деньгах доброта тоже не вырастает.

Гиблое это дело — людей к милосердию призывать. Сытый голодного не разумеет. А когда все оголодаем, то и тогда не помогать друг другу будем, а друг другом питаться. И «мрачные своды» у милосердия будут всегда. Во всяком случае, в нашей отдельно взятой стране.

Весь ТВОЙ, ВСЯ ТВОЯ!

Сегодня наш гость — известный психотерапевт, сексолог, кандидат психологических наук Аркадий Петрович Егидес. Беседу с ним мы адресуем тем нашим читателям, которые наряду с прелестями супружества испытали и первые трудности в браке.

— Аркадий Петрович, из всего многообразия писем мы выбрали наиболее характерные. В предыдущих беседах мы говорили больше об особенностях мужской и женской психологии, но наших читателей интересует и непосредственно половой акт. Как написала Людмила Т. из Воронежа: «Литературу на эту тему достать невозможно. А если что и прочитаешь, то все равно ничего не поймешь: куда руки, куда ноги». А Дмитрий К. из Ульяновска вообще не понимает, зачем нужно такое разнообразие в позах.

— Ну что ж, позы так позы. Если мы хотим полноты сексуального счастья, то не избежать нам подробного разговора на эту сакраментальную тему. Понимание здесь важно и в физиологическом плане: при разных взаимных положениях стимулируются разные эрогенные зоны. Но не менее важен и их собственно психологический смысл. Ведь на языке тела мы что-то говорим друг другу, выражаем свое отношение — доверие, открытость, властность, подвластность.

Итак, весь твой, вся твоя, как говорил мудрый и добрый профессор психотерапии Н. В. Иванов. И следовательно, приемлемы любые сплетенья рук, сплетенья ног, ибо ведь это все «судьбы скрещения». Ну а

как же в отношении таких вещей, как орально-генитальный контакт? Ух, как изощряется терминология! А речь всего-то идет о взаимных ласканиях ртом и языком половых органов, их целование. Разумеется, мы, психотерапевты, прощаем и этот грех. Не только плодитесь и размножайтесь, хотя в этом основное счастье супружества, но и любите друг друга каждой клеточкой, каждым атомом своей плоти.

Прекрасно в множестве отношений самое обыкновенное взаимоположение. Она на спине, он сверху. Помимо само собой разумеющихся вещей (контакт лиц, взоров, слияние губ, языков, целование лица), отметим, что для женщин с настроенностью на сексуальную подвластность и для мужчин сексуально агрессивных это положение максимально соответствует их взаимной психосексуальной ориентации. Она ограничена им в движениях, чувствует приятную для нее тяжесть его тела. Поскольку такое сочетание его и ее потребностей наиболее часто встречается, это взаимоположение считается как бы более естественным. Если ее ноги приподняты и раздвинуты, то введение полового члена осуществляется легче и проникновение его глубже. Эта поза говорит ему и ей об активной самоотдаче женщины и повышает самовозбуждение обоих. В варианте, когда ее ноги вытянуты, легче соприкоснуться ее и его лицам, шептать едва слышно приятные слова. Жаркий постельный шепот возбудителен для женщины. Это таинство между двумя. Я говорю об этом для того, чтобы за поиском изысков не перестали ценить святую сексуальную простоту.

— Простота простотой, но многие читатели просто требуют, чтобы им помогли разнообразить семейную жизнь и законный секс, в котором все известно наперед до отвращения.

— Вариантов может быть сколько угодно. То же положение — живот к животу, но стоя. Многие преимущества здесь остаются, но прибавляются и другие. Любящие могут свободно руками ласкать спины и ягодицы друг друга, что особенно важно для нее, так как у женщины известно кошачье место — между лопатками и линия вдоль позвоночника. А вот не-

сколько иное положение. Она лежит на спине, пододвинув ягодицы к краю ложа. Он стоит перед ее лоном на коленях. Если она лежит на чем-то повыше, например, на столе, то он просто стоит на ногах. Чтобы было удобно, на стол нужно постелить мягкое одеяло, а под голову, шею и спину много разных подушек и подушечек, ведь постель — это не чистое поле с травой. Хотя секс на траве имеет особое очарование. А в обычных условиях для любви просто необходимы разные вспомогательные предметы. Можно, например, если вы живете в отдельной квартире, использовать для близости ванную. Только пусть она будет оформлена поэстетичней, такой уютный уголок, мир для двоих. Он ее моет, лаская, и так естествен здесь переход к соитию. Когда она лежит на спине, руки обоих свободны для ласк. Его взору открываются ее груди, живот. Но вот что еще важно. Это взаимоположение позволяет проводить половой акт и в том случае, когда эрекция почему-то недостаточна (утомленность, страх перед неудачей). Половые органы находятся на одном уровне, прилегание их полное и естественное, без напряжения. Психологически поза женщины говорит в этом варианте об открытости, доверии. Он воспринимает с готовностью такой дар. Для мужчины исключены дополнительные мышечные напряжения, которые могут уменьшить его эрекцию.

Другое положение — жена обращена спиной к животу мужа. Половой член в этом случае проникает неглубоко, мешают ее ягодицы, но они приятно ощущаются его животом. Удобно шептать ей на ухо приятные слова, есть что-то тонко-интимное в этом. Эта поза женщины неоткрытая, защитная. Но она может возбуждать его сексуальную агрессию — несмотря на закрытость, «взять» ее как бы силой.

А вот муж лежит на спине, а она удобно расположилась на нем. Здесь велика ее активность. Мы не будем подробно рассматривать вариации этих основных позиций. Понятно, что все можно проделывать и лежа на боку. А можно вообще на воздушном шаре, на подоконнике, хоть на

Луне. Все можно, если позволяет ваша фантазия и материальные средства.

— Еще одна пачка писем, требующих незамедлительного ответа, но не о любви, а скорее об ее утрате. Уходит любимый, любимая, что делать? Как вернуть и можно ли вернуть?

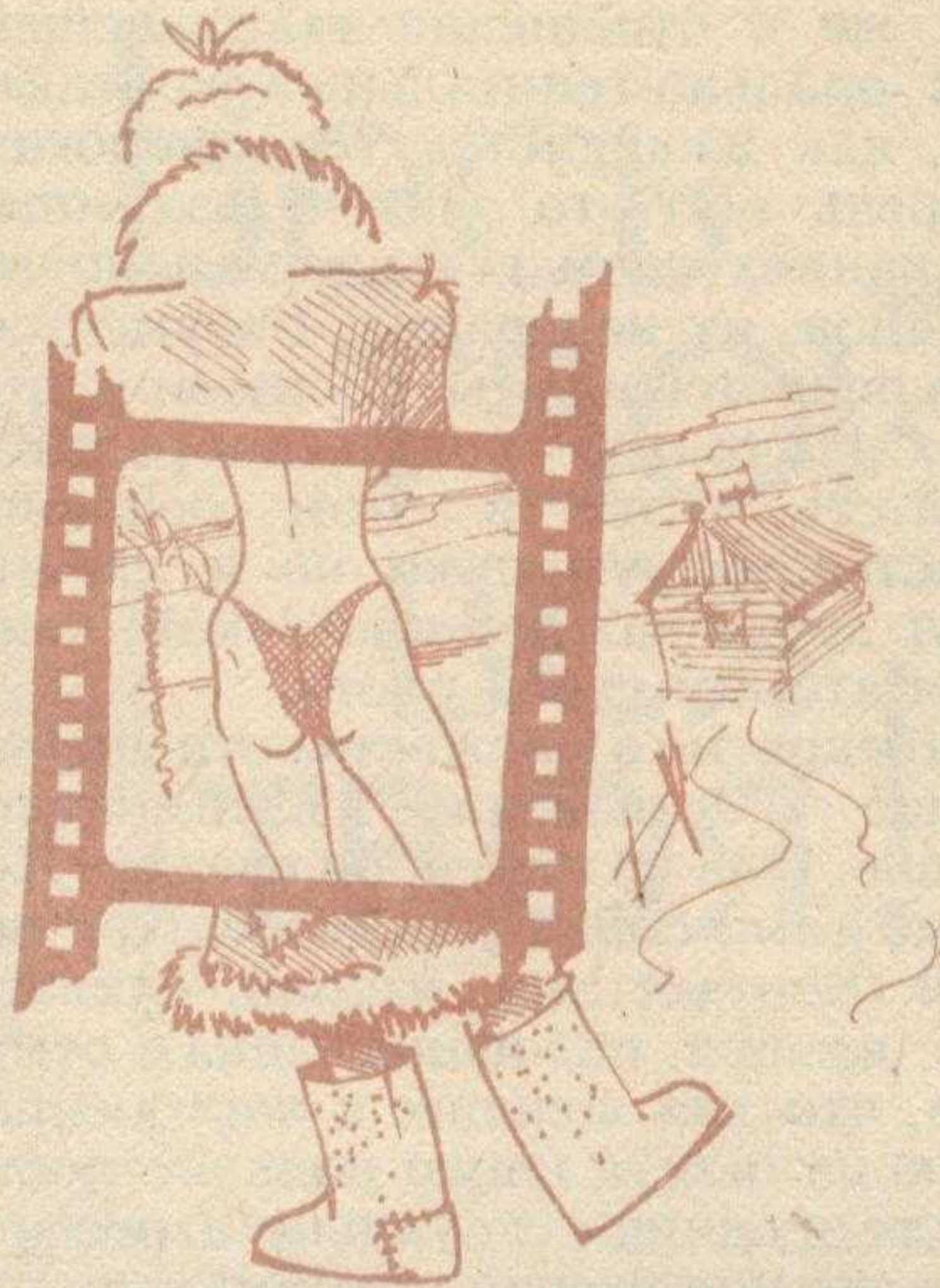
— В каждом конкретном случае должны быть свои рецепты. Я бы хотел предостеречь от общих ошибок, допускаемых молодыми супругами, когда период взаимного обожания и восторга сменяется серыми буднями. Парадоксально ведут себя женщины. Они словно забывают, что мужчина любит глазами. До свадьбы они изошряются в туалетах и кокетстве. А после? Локоны достаются коллегам по работе, а мужу лишь припухшие глаза и бигуди. А если еще к этому добавить засаленный халат и расплывшееся тело, то можете поставить крест на своей любви. Так что женщины, хотите быть любимыми, откажитесь не только от лишнего кусочка, но и от привычных ощущений соленой, сладкой, мучной пищи. Тогда не только формы станут изящнее, но и кожа очистится изнутри. Добавим к этому велосипед, плавание, бег. Предвижу возмущенный вопль женщин: где же взять время? Но если муж хочет беречь жену, как и честь смолоду, то он возьмет на себя часть домашних хлопот. Хотя женская красота не только в этом, она и в пластике, и в мимике, и в осанке, и в ласкающих взглядах. А еще надо уметь снять боль, усталость с кормильца, ну и секс, секс!

— Аркадий Петрович, знаю, что вы ведете психологический практикум в клубе культуры общения «Маленький принц». Может быть, можно обнародовать его адрес для наших читателей?

— С удовольствием. О том, как знакомиться без посредников, как разбираться в людях, как создать свой неповторимый имидж, о безграничных проблемах секса вы сможете узнать на наших марафонах интенсивного общения по адресу: Москва, ул. Чехова, д. 9. Тел. 299-97-62.

Беседовала
Наталия ВЛАДИНА.

Художник Татьяна ПЕТРОВА

Порнуха под подушкой

Как известно, слово «порнография» греческого происхождения: «порно» — развратный, «графо» — пишу. Легендарный Ожегов трактует его значение так: «крайняя непристойность в изображении чего-либо, связанного с половыми отношениями». Но самый великий творец и толкователь слов «могучего» русского языка — народ — урезал иностранное слово до краткого и более хлесткого «порнуха», сделав его более емким. Оно с равным успехом может обозначать действительную порнопродукцию, а также не имеющую ничего общего с половыми отношениями любые проявления безвкусицы, халтуры, безнравственности, кича во всем, касающемся вопросов культуры.

Порой так хочется воскликнуть: люди, что вы смотрите, слушаете, читаете? Волна всевозможной порнухи захлестнула нас с головой, безвкусица и халтура ужасающими темпами завоевывает живопись, литературу, музыку, моду, кино. Обрушившиеся на нас велением свыше демократия и гласность чуть ли не усугубили положение. Отсутствие всякой цензуры, в том числе и внутренней нравственной — нет больше

запретных плодов — это же рай для любителей погреть руки на «жареном». И в результате, как из отечественной, так и из западной массовой культуры отбирается все худшее и в глянцевой, красочной обложке преподносится нам с вами.

Ну чем еще сегодня нас можно удивить? Матерным словцом, то и дело мелькающим на журнальных страницах? Уже в зубах навязло. Кричаще-яркой, бесформенной мазней, выдаваемой создателями за авангардистские полотна? Тоже наелись, если «митьки» были хотя бы забавны, то о большинстве новых художников и сказать нечего. Неутолимое желание некоторых любителей родной словесности вернуть Родине утраченные ею таланты обращается порой в фарс. Наряду с титаническими фигурами Набокова, Солженицына, Аксенова на постамент новой скульптурной группы русских классиков возводятся писатели вроде Эдички Лимонова, автора небезызвестных строк: «Ах родная родная земля Я скажу тебе русское — «бля»...» (знаков препинания автор не ставит).

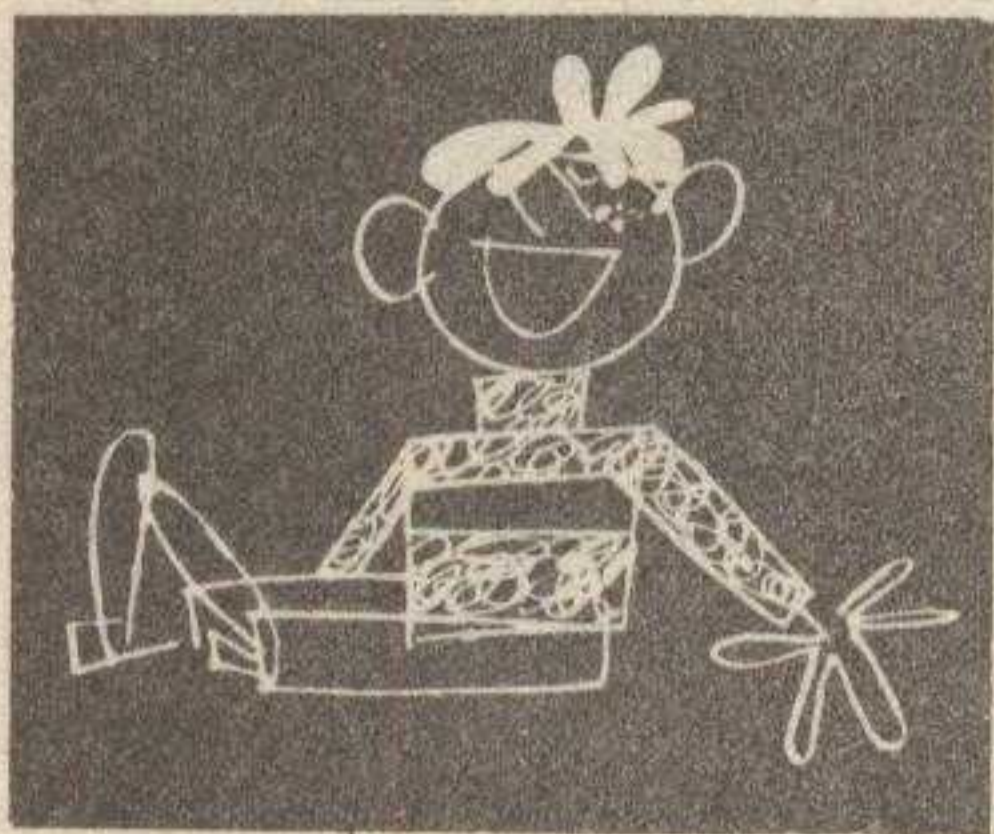
Вы думаете, что душа современного молодого человека может отдохнуть в музыке? Отнюдь. Скорое забвение бесполох «Модерн токинг» с их бесконечными «я люблю тебя, крошка» и «хочешь взять меня сегодня?» дало небольшую надежду на оздоровление. Но вот уже отечественные наследники «модерновской» славы распевают потрясающей глупости шлягеры о белых, розовых розах, ночных рандеву и синеглазых девочках. «Порнуха», — брезгливо морщась, цедят сквозь зубы металлисты и, громяхая цепями, отправляются принимать каждодневную порцию не менее впечатляющих опусов: «Долг наш прост и задача проста — не пропустить рыцаря в сад», «Наконец-то настал миг: всех друзей в этот зал собрал мой крик».

О кино вообще говорить опасно. Едва светящиеся во вселенской тьме экранной порнухи искорки таланта столь редки и беззащитны, что каждую из них впору заносить в Красную книгу кинематографа. Бездумное неприятие всего чужого сменилось еще более бездумным восхвалением и копированием

всякой западной продукции. И вот уже нам преподносят отечественного производства Рембо, Грязных Гарри и Эммануэля. Нужны ли они, если есть оригиналы, бесспорно лучшие, чем копии? Но и с оригиналами дело туго. Кинопрокат закупает и демонстрирует то, что подешевле, а значит, и похуже. И вряд ли появление на наших экранах «коммерческого супербоевика» «Первая кровь» режиссера Теда Котчефа десять лет спустя после его создания можно отнести в заслугу этой уважаемой организации. Дешевки и порнухи мы навидались достаточно. А вот многие ли могут похвастаться тем, что смотрели «Последнее искушение Христа» Мартина Скорцезе или «Китайский квартал» Романа Поланского? Счастливые единицы, даже среди владельцев видеоаппаратуры. Впрочем, тут я задел за большое — процент порнухи среди фильмов, имеющих хождение на видеокассетах, еще выше, чем в официальном кино. Хорошо, если один-два из нескольких десятков просматриваемых фильмов оказывается произведением искусства. Так я открыл для себя «Сердце ангела» Алана Паркера и «Аферу» Джорджа Рея Хилла. Да, видео, музыка, литература — это в большей степени развлечение, отдых для души, но не за счет же оболванивания, одурманивания мозгов. Или процент болванов в нашем отечестве настолько высок, что ориентируются только на них? Ни за что не поверю, что средний нормальный человек не в состоянии оценить по достоинству шедевр киноклассики «Легенда о Нарайяме». Только больной может потрястись не последними кадрами прощания с матерью, а сценой совокупления с собакой.

Правда, говорят, что детдомовские дети, например, до конца своей жизни воруют и прячут хлеб под подушкой, никак не могут наестся. Неужели и мы из громадного опыта мировой культуры будем продолжать впитывать в себя только непристойности и кич, и все из-за того, что слишком долго воспринимали жизнь однобоко?

Петр МАКСИМОВ.

Во! Дождались. Один призывает любовью на Луне заниматься, а второй весь под гнетом нравственной цензуры матерится, прикрываясь Эдичкой Лимоновым. Крик души товарища Максимова мне понятен, хотя и не очень трогает. Похоже на глас утопающего в пустыне. Кто мешает ему стоять на твердой почве, а не плескаться в порнографической луже? Вот и отвечал бы за себя, а не высчитывал «процент болванов» (не самое умное занятие на самом деле) и не крыл бы по площадям все подряд от кинематографа и прессы до театра и живописи. Все равно, уверен, товарищ Максимов не разбирается до конца ни в том, ни в другом, ни в третьем, ни в четвертом.

Что касается секса, то о нем и говорить нечего. Тут все что? Только для молодых супругов написано? Сильно сомневаюсь. Тогда и нечего за женатых прятаться, писали бы прямо «партнер» и «партнерша». Хотя я бы на месте авторов интервью сначала бы ликбезом занялся. А то вон недавно разговор слышал двух парней. Один другому говорит: «Ни черта не понимаю я в этих секс-рубриках всяких. Пишут «оргазм», «коитус», а что это такое? Мне и без оргазма со своей... нормально».

Платье для короля

Наше общество стремительно демократизируется, но как-то неравномерно, кусками. Остаются еще островки, покрытые тайной. Одна такая загадка, мучающая меня, — это как и где одеваются наши высокостоящие руководители. Не поймите меня неправильно, я не хочу допытываться, на какие средства и в каком именно ателье. Но я по-хорошему завидую, например, и даже восхищаюсь женой Президента, ее вкусом, элегантностью. Может быть, можно рассказать об этих талантливых модельерах, о фасонах? Мы же все равно не сможем одеваться так, как Горбачева, но что плохого, если мы будем ей подражать?

Гуля САЛЬКОВА,
Усть-Каменогорск.

Как бы плохо мы ни жили, вопрос «как одеться покрасивее», так же как и «что бы съесть повкуснее», будет продолжать волновать. У нас отобрали даже носки и нижнее белье, но Золушкину мечту о бальном платье и хрустальных туфельках вряд ли отнимут. И не раз где-нибудь в дальнем Урюпинске забьется от зависти и от восторга чье-то слабое женское сердце при виде туалетов какой-нибудь английской, а тем паче доморощенной принцессы. Хорошо, если рядом найдется мастер, который сумеет из тряпочек и лоскутков сделать сногсшибательный туалет для своей королевы. Правда, это будет бедная королева, но ведь ни для кого не секрет, что существует мода для богатых и бедных. Кто же поможет нашим многочисленным Золушкам превратить их лохмотья в бальное платье?

Первый визит мы нанесли главному искусствоведу Общесоюзного

Дома моделей, народному депутату СССР И. А. АНДРЕЕВОЙ.

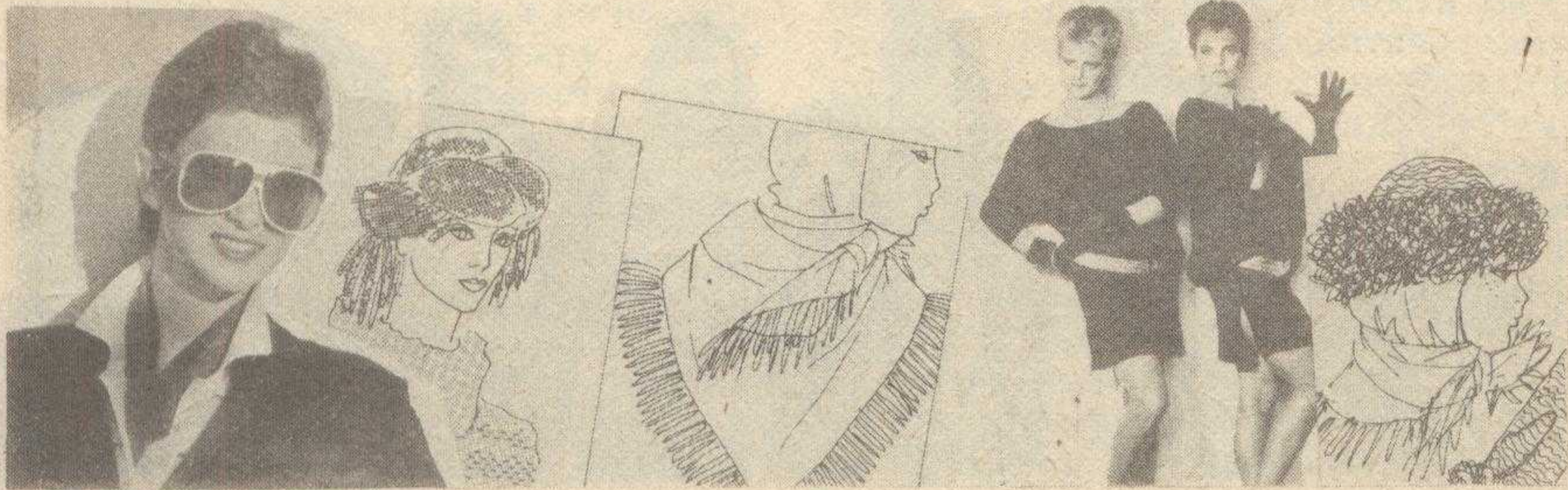
— Ирэн Александровна, по-вашему, бедный человек может быть модным?

— Бедность или богатство в данном случае не показатель. Можно быть главой правительства и не уметь одеваться. Для того чтобы всегда выглядеть модно, эффектно, нужен еще и элементарный вкус. Вот этого не хватает не только нашим людям, но и тем, кто их одевает, я имею в виду работников легкой промышленности. Общесоюзный Дом моделей предлагает изделия на уровне мировых стандартов, я не скажу, что это туалет для королевы, но любая женщина не отказалась бы иметь в своем гардеробе пару таких вещей. Но после того, как модель пройдет через пресс нашей легкой индустрии, мы уже имеем к ней весьма отдаленное отношение.

Понятия моды, русской моды у нас вообще не существует. Есть стиль одежды, присущий нашим людям. Мода — прежде всего индустрия. Зайцев? У вас в гардеробе много вещей от Зайцева? Ни одной? Вот странность! И у меня ни одной, и у тысяч ваших читательниц, ручаюсь, тоже нет. Так что имя — это еще не мода. Мода — это дубленки, джинсы, за которыми давятся в магазинах.

— А что можно посоветовать нашим читательницам, мечтающим одеваться «как жена Президента»?

— Жена Президента одна, и слепо копировать ее было бы просто глупо. Можно учиться манере вести себя, подбирать соответствующую своему характеру и образу жизни одежду, находить свои собственные цвета. Вот это было бы достойное подражание.

Ирэн Александровна торопилась по своим депутатским делам, и наш разговор о моде остался незавершенным. А так хотелось узнать, кто же поможет бедному населению нашей страны, коего большинство, выглядеть прилично? И второй свой визит мы нанесли самому популярному модельеру Вячеславу ЗАЙЦЕВУ.

— Вячеслав Михайлович, действительно, почему в наших гардеробах нет ваших вещей? Признавайтесь, на кого вы работаете?

— Я работаю для улицы, для любого человека, который, проходя мимо, решит обратиться к нам. Но не моя вина, что за все время существования нашего Дома моды промышленность ни разу не выразила желания приобрести ту или иную вещь. А это значит, что все наши модели остаются только в авторском исполнении (то есть двойная цена), а народ ходит в чем попало. Мы не можем серьезно говорить о моде в нашей стране, пока у нас не решена проблема культуры одежды, ее ассортимента. В магазинах должно быть все. И если модельеры говорят, что в этом сезоне модно белое и красное, то человек должен иметь возможность выбора. А пока мы делаем какие-то открытия на небосклоне моды, в лучшей или худшей степени конкурирующие с мировыми образцами.

— Вы много ездите по стране с демонстрацией своих коллекций, вас не пугает огромная разница между женщинами, сидящими в зале и манекенщицами в ваших нарядах?

— Я намеренно включаю в коллекцию наряду с повседневными вещами экстравагантность, экзотику. Пусть обычная женщина никогда

этого не наденет, но она научится воспринимать линию, рисунок, необычные цветовые сочетания. Кстати, если исключить отдельные детали, мои даже самые непривычные модели может носить любая домохозяйка. Как-то мы выполняли заказ для женщин — ветеранов войны, и они остались довольны. Я прекрасно понимаю, что при нашей бедности создавать модную одежду в чистом виде просто непозволительная роскошь. И поэтому я специально стал делать одежду не модную, а стильную, которую человек сможет носить не один сезон, а несколько, и чувствовать при этом, что он не «засоряет» своим видом окружающую среду.

— А как же быть с нашей Золушкой, которая мечтает о королевском платье?

— Не надо выглядеть смешными, пытаться в платье для приемов прийти на дискотеку. Зато, я думаю, что любой мужчина восхищенным взглядом проводит женщину, у которой простота, четкость линий одежды гармонично соединяются с улыбкой, с распахнутыми глазами, то есть со всем тем, что составляет неповторимый образ именно этой женщины.

Вот так отфутболили нас знаменитые модельеры, не дали заглянуть за железный занавес, скрывающий от простых смертных салоны наших земных богов. Гуляйте, мол, мальчики, любите девочек такими, как они есть. Богу — богово, кесарю — кесарево, а Золушки и в лохмотьях проходят.

Художник Александр ЖЕРЕБЦОВ

своей огромной военно-морской базой, и Джин, едва ему исполнилось семнадцать, полный юношеских фантазий и патриотизма, подогретого антикоммунистической пропагандой, соврал насчет своего возраста и попросился во флот. Он ходил на разных судах по всему свету и в начале 1955 года в неапольском порту купил дешевую гитару. Весной Винсент вернулся из похода и был временно переведен в рассыльные на базе — гонял по всему городу на мотоцикле. Так бы он и возил приказы адмиралов, если бы не авария: женщина-водитель выскочила на красный свет и сбила Джина на мотоцикле. Нога его была почти оторвана ниже колена, но врачи военно-морского госпиталя сумели все сшить, как нарисовано в учебнике анатомии. Однако Винсент не дал костям хорошенько срастись, и всю оставшуюся жизнь его преследовала сильная боль и ограниченная подвижность колена.

В конце года Джин Винсент всерьез занялся пением. Услышав по радио Элвиса, он был вдохновлен скорее его возрастом, чем музыкой. Самого Джина интересовали тогда Хэнк Уильямз и другие отцы кантри; он пробовал петь с разными кантри-группами на норфолкских радиостанциях. В феврале 56-го года репетировал с группой «The Virgians», музыканты которой работали на крупнейшей норфолкской радиостанции; руководил ими двадцатидвухлетний Уилли Уильямз. Здесь Джин и начал петь знаменитую песню «Be-Bop-A-Lula» (по неподтвержденным слухам, он купил ее у автора, соседа по госпитальной палате за 25 долларов). Выступления Винсента и особенно «Би-Боп-А-Лула» стали столь популярны среди персонала радиостанции, что на концерты стали приходить перспективные «папы», чтобы посмотреть, а не помочь ли Джину ускорить карьеру. Среди них были владелец радиостанции и другие люди. Но первый шаг сделал известный в Норфолке диск-жокей Шерифф Тэкс Дэйвис. Он позвонил Кену Нелсону из «Кэпитол Рекордз», которая разыскивала конкурентов Элвису Пресли. Нелсон попросил выслать демонстрационную запись, и Тэкс Дэйвису пришлось срочно собрать «сливки норфолк-

ской кантри-музыки». Этот аккомпанирующий состав стал впоследствии первым вариантом «Голубых Кепок» — группы будущего рокера. Кепки примерили: Клифф Гэллап — днем слесарь-сантехник, вечером гитарист малоизвестной группы; Джек Нил — вечерами играл на контрабасе в ансамбле, днем работал на местном автозаводе компании «Форд»; на ритм-гитаре играл Уилли Уильямз; барабанил 15-летний школьник Дики Харрел — он постоянно околачивался на радиостанциях, не упуская ни малейшей возможности с кем-нибудь поиграть.

Тэкс Дэйвис отослал три песни, и «Кэпитол» их приняла. 4 мая 1956 года в графиках звукорежиссеров нэшвиллской студии «Брэдли» появились такие записи:

ЗАКАЗЧИК — Кэпитол Рекордз; **АРТИСТ** — Джин Винсент и его «Голубые Кепки»; **ОПИСАНИЕ** — вокал с инструментальным сопровождением; **ВЫБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**: 1. «Наперегонки с дьяволом»; 2. «Би-Боп-А-Лула»; 3. «Я, конечно, по тебе скучаю»

В графах рояль, арфа, кларнет, фагот, флейта, трубы, саксофоны, скрипки, виолончели красовались прочерки. Поскольку это была первая в истории «Кэпитол» сессия звукозаписи рок-н-ролла, Кен Нелсон приготовил студийных музыкантов на случай, если «Кепки» не справятся. Но как только Клифф Гэллап ринулся на своей гитаре наперегонки с чертом, местные музыканты поняли, что их «подставили», что эти бродяги в синих кепках «убрали» всех и что пора сматывать струны и сматываться.

2 июня фирма выпустила сингл «Woman Love» («Женская любовь»), но внимание покупателей стала привлекать обратная сторона пластинки «Be-Bop-A-Lula». Сначала она пробилась в списки популярности Балтимора, далее по Атлантическому побережью и по всей стране, войдя в июле в десятку журнала «Биллборд».

Популярный телеведущий Перри Комо пригласил Джина Винсента с его «Голубыми Кепками» выступить в своем телешоу. Почуввав добычу, «Кэпитол» отозвала группу назад в Нэшвилл для записи альбома, который должен был укрепить их поло-

жение. Времени оставалось мало, и так как Нелсон хотел внести в альбом несколько оригинальных песен, музыкантам пришлось сочинять по дороге в студию.

«Би-Боп-А-Лула» еще парила высоко в хит-парадах, а «Кэпитол» уже издает новый сингл «Наперегонки с дьяволом». Взрывной, но некоммерческий, он с трудом попал в сотню «Биллборда». А вот следующий «Blue Jean Вор» («Боп синих джинсов»), ныне ставший рок-стандартом, не попал даже в сотню.

Винсент с «Кепками» много играли в Нью-Йорке и по Восточному побережью, больше на открытых площадках в программах летних ярмарок, причем программу открывал Джонни Бернетт со своим «Рок-Н-Ролл Трио». Концерты отличались большим наплывом публики, полицейскими эскортами и музыкой, которая не походила ни на что. Известный теперь певец Энди Уильямз, тогда только начинавший, и уже ставший звездой Пэт Бун были просто сметены со сцены выступлениями Джина Винсента и «Блу Кэпс»!

Хотя группа получала за концер-

ты неплохие деньги, в сентябре дела пошли плохо. Изнуренный темпом гастрольной жизни, Уилли Уильямз ушел из «Кепок», чтобы вернуться домой к жене и работе на радиостанции, поигрывая в студийных группах. Нога Джина, истязаемая всякий раз, когда он выходил на сцену, требовала срочного хирургического вмешательства. Но у Джина так и не дошли руки заняться своей ногой. В Лас-Вегасе на сцене рана открылась. Хирурги норфолкского госпиталя осмотрели Винсента в конце года и рекомендовали интенсивное лечение, говоря, что о дальнейших концертах не может быть и речи. Джин думал по-другому.

Здесь надо отметить, что на «Кэпитол» лежит вся вина за быстрый упадок карьеры Винсента, и это роднит ее с другими фирмами. Они не имели опыта работы с рок-н-роллом, который сам еще находился в младенческом возрасте. К тому же менеджерам и продюсерам «Кэпитол» не хватало интуиции. Попробуйте сравнить первый альбом Пресли с альбомом Винсента — если Элвис берется за чужую вещь, получается

именно подходящая ему версия. Джину же приходилось записывать совсем несвойственные ему песни. Единственным исключением стала «Blue Jean Bop», выпущенная вслед за «Race With the Devil». Задорные, задиристые и зажигательные, они тем не менее прошли почти не замеченными публикой. «Блу Джин Боп», хоть и провалился в США, принес Джину Винсенту большой успех в Англии — больший даже, чем «Би-Боп-А-Лула» — осенью 1956 года обе песни были в британской двадцатке, 12-е и 17-е места соответственно.

Уилли Уильямс считал, что причина неудач с синглами кроется также на радио. Джин несколько раз не приезжал на радиоинтервью — отчасти из-за усталости, отчасти из-за непонимания, как это важно для его карьеры. Ко всему прочему общение с людьми для него было задачей трудной: он считал, что недостаточно много знает и не очень внятно говорит. Из-за этого несколько диск-жокеев невзлюбили Джина и подговорили своих коллег не крутить его записи по радио.

Четвертый сингл «Important Words» (Важные слова) последовал за своими предшественниками в никуда, и Джин Винсент отказался от гастролей, куда решались возникающие проблемы с составом, ногой и менеджментом.

Далее последовали концерты в Вашингтоне и съемки в кино. Но перед отлетом в Голливуд Клифф Гэллап ушел: «Я должен был стать отцом, а мне удавалось видеть жену день-два за два месяца. Моей семейной жизни практически не существовало. А потом эти путешествия по пятьсот миль в день утомили бы кого угодно». Найдя какого-то гитариста, музыканты полетели к Тихому океану в кинострану по адресу Калифорния, Лос-Анджелес, Голливуд.

На съемочную площадку Джин выходил в гипсе, а торчавшие из гипса пальцы ноги гримеры закамouflировали под башмак! Но говорят, что самые лучшие моменты этого необыкновенного выступления нашли свой конец на полу в монтажных комнатах студии «XX Век Фокс». В кинопавильонах впервые встретились два выдающихся рокабилли-исполнителя — Джин Винсент и Эд-

ди Кокрэн, с этого началась их дружба.

Прямо из Калифорнии «Кепки» вылетели в Нэшвилл на запись второго альбома. Весь материал был записан «живьем», без наложения. На запись прибыл Клифф Гэллап, чтобы записать лидер-гитару и навсегда исчезнуть со сцены. После этого он стал легендой. Его стиль и сольные партии повлияли на целое поколение гитаристов.

Первые месяцы нового 1957 года Джин провел, планируя новые выступления. Он ввел двух новых людей — они хлопали в ладоши, пели вторые голоса и пританцовывали. До весны весь состав жил у Винсента дома вместе с его отцом, матерью и сестрами, дожидаясь возобновления гастролей. В апреле они присоединились к турне по Огайо с участием Роя Орбисона и Карла Перкинза. Менеджер одного из артистов программы предложил Винсенту новый контракт, и Джин согласился на условия Эда Маклемора, имевшего свое агентство в Техасе. Группе тут же дали «дорожного менеджера» — читай, администратора по гастролям — десятиместный «Крайслер» для артистов, полутонный трейлер для аппаратуры и новые костюмы.

Летом вместо гипса Джин стал носить на ноге металлический браслет и отыграл множество концертов на Юге в залах и клубах, пользовавшихся популярностью у любителей кантри-музыки. Во втором составе «Блу Кэпс» выдали еще один сингл, который также не получил признания. Однако следующий сингл — «Lotta Lovin» («Куча любви») — попал в американскую двадцатку. Настроение и зарплата, в то время весьма неважные, заметно улучшились. Осень прошла в заокеанском турне вместе с Литтл Ричардом и Эдди Кокрэном — Гавайи, Фиджи и Австралия.

После выхода следующего удачного «Dance to the Bop» («Танцуй под боп») Джин Винсент и «Голубые Кепки» получили приглашение выступить по телевидению у Эда Салливэна, а потом и у Элэна Фрида.

Зимой 1958 года в который раз обновленные «Blue Caps» отснялись в кинофильме «Hot Rod Gang» (можно перевести как «Банда на колесах»; «хотрод» — это жаргонное наз-

вание легковой машины без кузова типа «багги»). Потом опять поехали в большое турне по стране, а весной — по Тихоокеанскому побережью. Но и новые музыканты не выдерживали разъездного безумия, доводя себя до нервного истощения, и поэтому часто нуждались хотя бы во временном отдыхе. Джин уже пристрастился к алкоголю, а другим любимым развлечением группы стал разгром гостиниц. В Канаде одного из музыкантов избили полицейские за то, что он соблазнил несовершеннолетнюю (хотя в таких случаях известно наперед, кто кого соблазнил, можете мне поверить. — О. У.). Дошло до того, что менеджеру Винсента приходилось заранее высылать заверенное юристом обязательство не портить имущества, прежде чем снять номера в отеле.

В записи следующего альбома Джину помогал Эдди Кокрэн — почти во всех песнях он пел вторые голоса. Вышедшие синглы, как всегда, превосходные, как всегда, почти не продавались. На это были свои причины. «Кэпитол» была одной из немногих компаний, не практиковавших взятки на радио. Диск-жокеи более-менее договорились внести Винсента в «черные списки». Но самое главное — Джин имел смелость спорить с самим Диком Кларком, чья известность не уступала известности Элэна Фрида. Вообще, он был самой влиятельной фигурой в только возникавшей тогда американской рок-среде. Все-таки ведущий телепрограммы «Америкэн Бэндстэнд» («Американская Эстрада»), которая транслировалась на всю страну. Ко всему прочему к концу 50-х на сцене стали доминировать безголосые, но смазливые и аккуратно подстриженные и причесанные этакие «соседские парни». Так что «уголовника, пьяницу и распутника» Джина Винсента и его банду в синих кепках вряд ли могли оценить.

Первый менеджер Винсента Шерифф Тэкс Дэйвис рассказывает, как он впервые увидел Джина: «Он был в гипсе, на костылях, у него зубы были черные, от него дурно пахло — наверное, не мылся неделю. В свои 20 лет он выглядел как бродяга. Зато пел он как птица!»

Олег УСМАНОВ

То было время, когда по стране ходили черные списки. Черненко делал все, чтобы уничтожить советский рок. Еще в 1983 году вышло его пресловутое постановление о культуре. А уж придя к власти, он разошелся вовсю. Запрещены были все — не только «Крузиз» и «ДДТ», но и «Аквариум» и даже «Браво»! Список вокально-инструментальных ансамблей, «именующих себя рок-группами и исполняющих неутвержденный репертуар», подписанный в том числе и верхушкой комсомола, доходил до 100 наименований. Среди всего этого изобилия мне запомнилось одно — «Жар-птица». И лишь недавно я узнал, что лидер набирающей популярность подмосковной группы «Алиби» Сергей Попов причастен к попаданию в прошлом известной по магнитоальбомам «Жар-птицы» в клетку «неугодных». Когда я о себе читаю враки,
Из тех, что всесоюзным тиражом,
Я думаю, вот и дошло до драки
И запасаюсь песней, как ножом...

«ПУЛЬС»: Сергей, есть ли вообще связь между «Жар-птицей» и сегодняшней «Алиби»?

— Какая-то связь, конечно, есть. Во-первых, я приверженец «Битлз», и это наложило свой отпечаток. Во-вторых, у обеих групп есть цикл песен в стиле бит-музыки. Я считаю, что в Союзе этот стиль раскрыт не до конца. Если в 60-е годы его играла вся Англия, если не полмира, и он насытил зрителя, то у нас не тот случай. Через этот этап у нас как-то перескочили, сразу появились джаз-роковые составы типа «Чикаго», не группы, а ВИА. Еще мне не нравится, что получилось у «Секрета», хотя отношусь к ним с уважением. Помоему, много сильных идей «Битлз» не было использовано: у них не хватает энергии и немного не хватает музыки — разработан скорее видеоряд. Хотелось это как-то компенсировать. У «Алиби» есть целый альбом таких вещей длительностью где-то 1 минута 50 секунд.

Может, есть и другая связь, которая мне незаметна. Наверное, есть еще зрители, которые слышали, что было раньше, слушают, что стало теперь. Может, они находят еще какие-то общие точки. Но в большей мере «Алиби» резко отличается от «Птицы» — и по концепции, и по текстам. Можно было в принципе вос-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Поймает «АЛИБИ» жар-птицу?

становить название, но по прошествии двух лет («Жар-птицу» разогнали в 84-м году) мне уже было неинтересно.

П.: Упоминание об «Алиби» есть в книге Федорова «Рок в нескольких лицах», но мне не понравилось определение «Социальный рок»...

— Мне тоже. Эти слова, мягко говоря, не совсем удачны, потому что не отражают всю широту этого явления. Можно сказать «Телевизор» — это социальный рок с некой лозунговой тематикой. Но с другой стороны — и «Зоопарк» тоже, только на бытовом уровне, — бытовом не в плохом смысле, а по разрабатываемым темам. Мне кажется, говорить надо все же о стиле, понятии более узком. Выражение недовольства или неприятия существующего необязательно в политическом смысле. Можно выражаться на уровне пустых магазинов, очередей, быта. Недовольство естественно для всей музыки, которая откровенна, а рок всегда отличался откровенностью.

П.: Хотя ты и Федоров говорите, что близки к ранним «Битлз», по мне, вы звучите ближе к «Криденс». Поэтому на вопрос, что такое «Алиби», я отвечаю: «Бит-группа с «приволненной» гитарой и хорошей мелодической основой...»

— Да, в концертном варианте так оно и есть. Мы пробовали себя в разных стилях и нашли три близких нам направления. Обычно мы начинаем с более битовых песен, чтобы зритель немного привык к звуку, к нам, нашему образу; затем «мэйнстрим» — основное течение в роке; и наконец, новая волна — более жесткая музыка, более злая, что ли. Заканчивать концерт стараемся на веселой ноте, песнями типа «Папа-Рок». Хотя на альбомах все разделено.

Когда вы все ходили мимо детского горшка,
О «квакер» была сломана уже моя нога,
А горло грыз мое Главлит — я рок-инвалид...
Пусть дребезжит мой старый «Вокс», я умру за попс!

Я — папа-рок.

П.: Кто из вас думал над формой и как? Когда собирались, была уже идея?

— Нас три человека, и мы исходили из того, что надо найти определенное звучание, наш «саунд». Произошло это незаметно, специально ничего не «выруливали», так получилось — одна гитара с чистым звуком, иногда с «флэнжером», бас, барабаны и голос высокий. Некоторые специально меняют звучание, это видно; но у великих это получается прекрасно, они добиваются нового качества. У других все гораздо беднее. Но, даже используя разные направления, надо искать какое-то объединяющее начало, какую-то нить, которая подчеркивает все. Мы вот во все три магнитоальбома ввели губную гармошку.

П.: Расскажи о них поподробнее.

— «ШИШЕЛ-МЫШЕЛ». Половина мелодий написана еще в начале семидесятых, хотя я менял их, работая в последнее время. Тексты написал в 87—89-м годах, изменил припевы у старых песен. Кое-что написал совсем недавно. Видя, как все складывается, стало ясно, чего не хватает, каких песен, в каком ритме.

— «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС». Там есть блюзы и рок-н-роллы в довольно архаичном виде. Они — сердцевина нашего концертного репертуара: «Люба из клуба», «Блюз», «Не для них», «Выше голову...»

— «ЗА РАДОСТЬ НАДО ПЛАТИТЬ». Он ближе к «волне», музыке, которую нам хотелось бы привнести. Начало того, что будет.

П.: Расскажи, хоть немного про «Жар-птицу». Многие слышали записи, не более.

— Представь ДК закрытого предприятия в Дубне, где спрятаться практически невозможно. Культурой там руководил человек, которого в области идеологии можно смело назвать фашистом — чтобы все по сцене строим со знаменами красными.

Люба из клуба с утра не пьет —
Она несет культуру в свой народ...

Репертуар был — бит с элементами ВИА. У «Жар-птицы» три альбома было записано с 80-го по 83-й год: «В ГОРОДЕ ЖЕЛАНИЙ ПОД РАДУГОЙ МЕЧТЫ», такой сборник; 2-й альбом «ЗНОЙ» посерьезней, половина текстов имеет ценность; «РОКОДРОМ» 83-го — концептуальный альбом, и где-то платформа для «Алиби». Мы эти катушки с пленкой рассылали по стране, была обратная связь, мы получали письма, по 5—6, а то и по 20 в день.

П.: А теперь «Алиби»?

— Зимой 86-го мы собрались на

первую репетицию. Ребята — Саша Рябов на басу и Миша Тихомиров за барабанами — вряд ли поначалу представляли, что из этого получится. Но все старались, и я видел, как за 3—4 года они выросли. Здорово, когда есть своя группа. «Птица» была в традициях ВИА с хударком и вечно переменным составом. Тут ребята стояли перед выбором: либо довериться мне, либо вообще не играть. Но все пошло.

П.: Ваша популярность — следствие прежней популярности «Жар-птицы»?

Можете написать по адресу: 141980, Московская обл., г. Дубна-3, а/я 159, музыкальный центр «Алиби». Там вы сможете заказать магнитоальбомы группы и всякое такое.

Выше голову! Ниже цены!

Из репертуара рок-группы «АЛИБИ»

мною ходят дол-го мо-и дол- ги, и ве - ли - ки зар -
-пла - те все ко - шель - ки. Мне страшно в магазинах - я там чужой.
Сто - ят та - ки - е це - ны над ду - шой! Есть у нас мил - ли - о -
-не - ры, значит, есть и бедня - ки. На - до се - бя взять в ру -
-ки. Вы - ше голову! Ни - же це - ны! Больше пово - дов жить! Я слышу
го - лос судьбы за опечатанной дверью. Я знаю - слезы в е - е гла -
-зах. Вы - ше голову! Ни - же це - ны! Яр - че зна - ки люб - ви! Я
вы - молвил... Я встал на миг... Я вы - жил!

Примечание: Во 2-м и 3-м куплетах 3-я вольта не исполняется.

— «Жар-птица» давно улетела. Новый материал «Алиби» дал результат. Потом комсомол рискнул послать нас на областной конкурс, несмотря на то, что в 87-м наши тексты считались криминальными и «одиозными». Там было много исполнителей, и мы победили всех. Жюри было хорошее: Сауткин, Ситковецкий, Пресняков-старший. «Засветившись», получили приглашение в «Синюю Птицу» — московское кафе на улице Чехова, которое к 1987 году было «раскручено» такими же, как мы, полуофициальными

1. За мною ходят долго
мой долги,
и велики зарплате
все кошельки.
Мне страшно в магазинах —
я там чужой.
Стоят такие цены
над душой!

Есть у нас миллионеры,
значит, есть и бедняки.
Надо себя взять в руки.
Выше голову! Ниже цены!
Больше поводов жить!

Я слышу голос судьбы
за опечатанной дверью.
Я знаю — слезы в ее глазах.
Выше голову! Ниже цены!
Ярче знаки любви!
Я вымолвил...
Я встал на миг...
Я выжил!

2. Нас презирают дети,
что ты им дашь?
И ненавидят жены
в дни распродаж.
Ставят нас на них с рассветом
и кладут не с той ноги.
Надо себя взять в руки.
Выше голову! Ниже цены!
Больше поводов жить!

Кто положил мне в карман
теплую спинку минтая?
Я растяну ее на три дня.

3. Пьем кисель в столовых —
глаза в глаза.
Я вижу, возразить мне
уже нельзя.
Нас не видно с возвышений,
мы — заложники тоски.
Надо себя взять в руки.

Выше — ниже! Выше — ниже!..
Больше поводов жить!
Выше голову! Ниже цены!
Выше — ниже! Выше — ниже!..
Больше поводов жить!

группами. Там была очень веселая тусовка — самый первый, «массивно-бородатый» состав «Тяжелого дня», первый вариант «Миража», «Твистеры», еще кто-то; в зрителях сидели Макаревич, радио и другие. Все это засвидетельствовала молодежная редакция ТВ. Потом был всем известный Подольский фестиваль и Рок-Панорама-87.

П.: Я не был в Подольске, а на ваш день в «Панораме» не успел...

— И там, и там мы успешно выступили. Участвуя в каких-то фестивалях и конкурсах, мы без призов не уезжаем. И гордимся этим. Теперь, правда, перестали участвовать, чтобы чувство гордости осталось.

П.: Сергей, легко ли жить группе вдали от столиц?

— В известном смысле трудно...

П.: В техническом смысле?

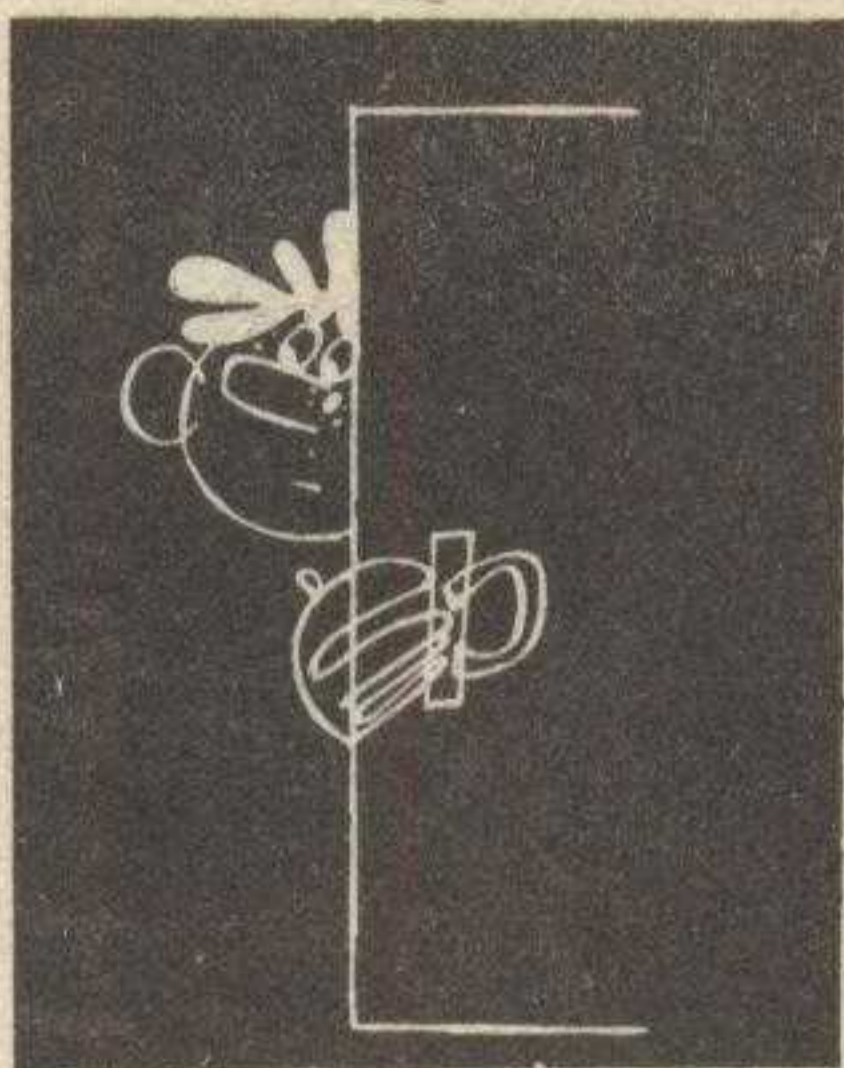
— Нет. Играя в течение трех лет, мы что-то заработали и построили студию. Говорю «построили», потому что мы действительно ее сделали сами — из голой комнаты с жуткими обоями создали помещение, которое стало нам родным домом. В этом отношении как раз не все плохо: есть некая аппаратура, есть даже выбор в гитарах — на какой играть. Еще неплохо, что если в Москве кому-то приходится ездить на репетицию час-полтора-два, то мне пешком 7 минут. С другой стороны — есть оторванность от музыкальной среды. Мы можем приезжать в Москву на пару дней, на неделю, но это никак не компенсирует постоянного общения с музыкантами — в этом мы проигрываем. Не всегда удается удерживать руку на пульсе. Я не имею, конечно, в виду какие-то конъюнктурные изменения, но у нас в Москве много друзей, и мы стараемся не снижать уровень общения.

П.: Среди многих групп, играющих бит, — «Секрет», «Зоопарк», «Апрельский марш» — как вы себя ощущаете?

— Отдающими дань традициям. У Б. Г. теперь есть ставка, у Жанны — даже справка, а мне опять идти на явку... Мы любим блюз, мы любим рок, мы любим все, что поперек...

С «Алиби» беседовал

Опанас ГУЛЬНОВ

Ну вот, кажется, и добрались до финиша. Про «Алиби» ничего говорить не стану, потому как это на любителя. Я сам слышал у них песен шесть, из которых понравились две, причем больше тексты, чем музыка. Играют профессионально, ничего не скажешь, но направление меня лично не вдохновляет, хочется чего-нибудь потяжелее. А о «Жар-птице» мне вообще ничего не известно, кроме того, что в этом интервью прочитал.

Теперь время высказаться о номере вообще. Целиком он мне больше понравился, чем не понравился. Обложки тоже ничего. Я бы только последнюю с первой местами поменял. Насчет картинок скажу, что их могло бы быть и больше, но, как мне объяснили, тогда бы некоторые материалы не влезли. Слава богу, что рисунков и так, мол, в два раза больше, нежели обычно бывает. Слава, конечно, но я бы, например, спокойно иные статьи подсократил. С политикой ребята тоже, по-моему, погорячились. Бориса Николаевича за глаза хватает. А вот с легкими темами, хохмами явный недобор. Не дают товарищи журналисты нам отдохнуть от проблем, расслабиться. Впрочем, может, и правильно, что не дают. Не знаю.

Одно знаю. Зря я за всех читателей полез сюда отдуваться. Пороху, как оказалось, не хватает. Поэтому я обращаюсь ко всем, кто меня слышит: «Ребята, не поленитесь покопаться в домашних залежах макулатуры, если еще не сдали ее, конечно. Найдите все номера «Комсомольской жизни» и «Пульса» за 1990 год, пролистайте и напишите в редакцию, КАКИМИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БЫЛИ ТРИ ЛУЧШИХ МАТЕРИАЛА В ЖУРНАЛЕ ЗА ГОД? Просто укажите названия. Можно еще и три худших рядом написать, это уж как

захотите. Мне кажется, так в редакции быстрее поймут, что нам, читателям, от нее нужно, а от чего вообще пора отказаться навсегда. Да, чуть не забыл, не забудьте, если соберетесь писать, сообщить, сколько вам лет.

Кажется, все. Я пошел. Всем пока!

Кто поехал на шоу!

Итак, шоу «Участие. Развитие. Мир» позади. Редакция получила почти 11 тысяч открыток-заявок. Жребий выявил счастливых.

Победителями стали: Виктор Александрин — учащийся из Барнаула, Нургуль Алыбаева — студентка Львовского медицинского института, Ираида Бычкова — начальник почтового отделения «Здравница» Загорского района Московской области, Лариса Головинова — инженер-программист из поселка Менделеево Солнечногорского района Московской области, Наталья Даньшина — технолог ПО «Кран» из города Узловая Тульской области, Ирина Демешко — учащаяся из города Лиепая, Латвия, Евгений Иванов — работает на военно-дирижерском факультете при Московской консерватории имени П. И. Чайковского, Есиркеп Кусайнов — второй секретарь Урдинского райкома комсомола Уральской области, Казахстан, Валерий Петров — студент из Тамбова, Виктор Рожков — инженер из Москвы.

50 наших читателей получают от имени правления Добровольного общества любителей книги РСФСР и редакции журнала «Пульс» в подарок книгу.

СЛЕДИТЕ ЗА «ПУЛЬСОМ»-91

Редакция намерена и впредь приглашать своих подписчиков на самые интересные мероприятия 1991 года.

КРОССВОРД

с секретом

Разгадывая кроссворд, обращайте внимание только на черные числа в верхнем левом углу клеточек. Когда кроссворд будет решен, выпишите буквы, отмеченные цветными числами в нижнем правом углу клеточек, в порядке от 1 до 24. Должны получиться два названия песен популярнейшей ленинградской рок-группы. Напишите их на открытке и пришлите в редакцию. Открытки будут участвовать в лотерее, победитель получит приз.

Приз за ответ на кроссворд из № 18 — диск группы «Милли — Ванилли» — выслан Фатиме Тедтовой из села Заманкул Северо-Осетинской АССР.

По горизонтали. 2. Французский художник-импрессионист. 9. Лидер группы «Аквариум». 12. Часть печи. 14. Запах. 15. Немецкий коммунист, один из руководителей Баварской советской республики. 18. Один из организаторов подавления Парижской коммуны. 19. Специальность Данилова — героя романа В. Орлова. 20. Русский композитор — член «Могучей кучки». 22. Персонаж «Войны и мира», хозяйка салона. 23. Город в Оренбургской области. 25. Область в Бирме. 26. Уменьшительное имя Остапа Бендера. 28. Ящерица. 29. Советский писатель, автор романа «Зависть». 32. Река во Франции. 33. Английский дирижер. 34. Французский писатель, автор «Парижских тайн». 36. Китобоец. 37. Государство в Центральной Африке.

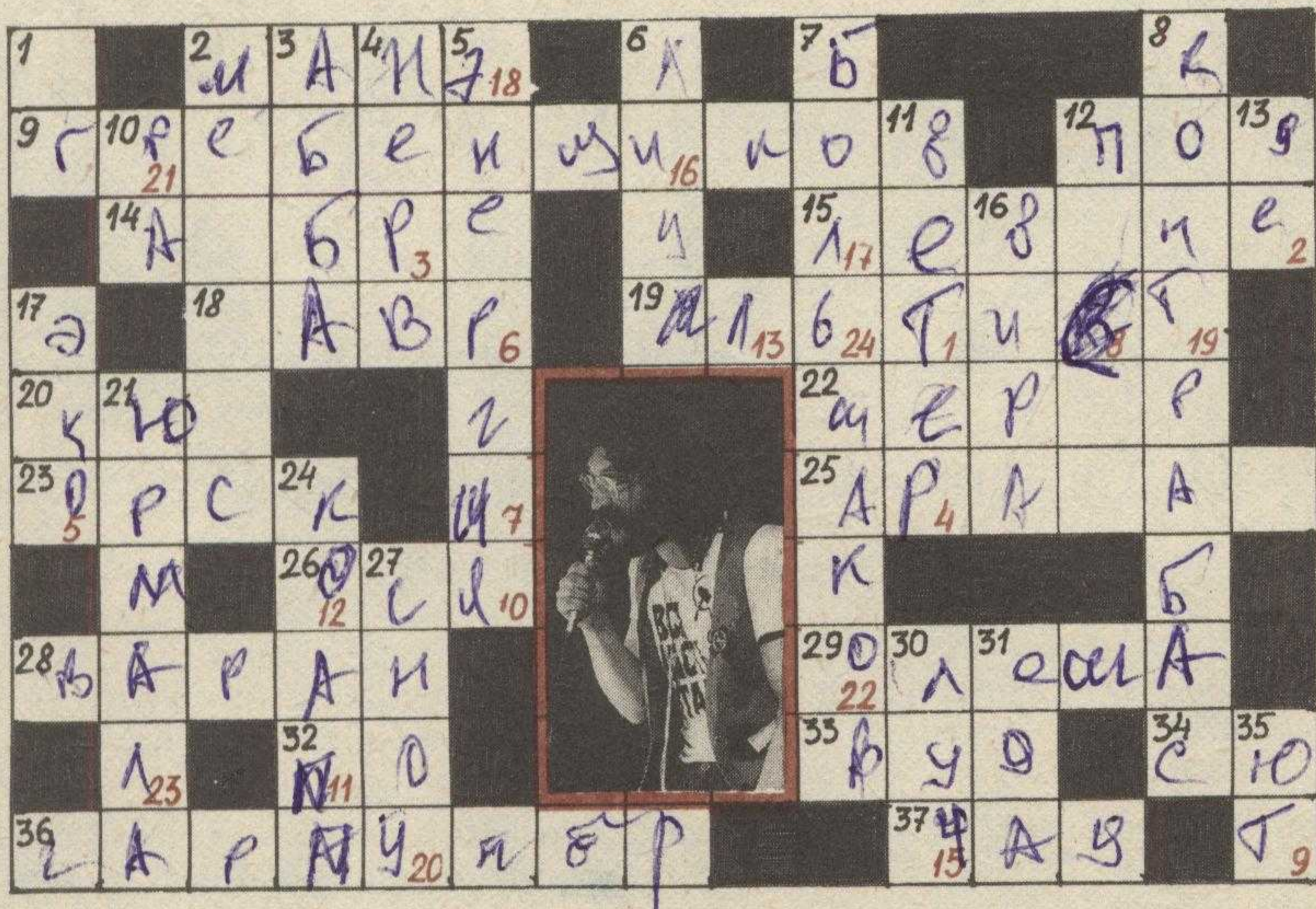
По вертикали: 1. Одна из рек, составляющих Северную Двину. 2. Город в Америке, родина «Трио Джонни Бернета». 3. Шведская группа. 4. Книга стихов В. Высоцкого. 5. Диск группы «Алиса». 6. Гримаса. 7. Лидер группы «Мастер». 8. Струнный музыкальный инструмент. 10. Бог Солнца в Древнем Египте. 11. Явление природы. 12. Город в Чехо-Словакии, одно из мест действия «Похождения бравого солдата Швейка». 13. Дворянская приставка к французским фамилиям. 16. Команда крановщику «вверх». 17. Журнал, выходящий в Новосибирске. 21. Город в Латвии, где до недавнего времени проходили конкурсы молодых исполнителей эстрадной песни. 24. Детский альманах о природе. 27. Английский писатель, автор романа «Коридоры власти». 30. Марка советских часов. 31. Пицца. 35. Кормовая надстройка судна.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 21—22

По горизонтали: 2. Вис. 5. Поэт. 7. Комбинация. 10. Ат. 11. Овен. 12. Лало. 14. Слайд. 17. Уандер. 19. Этна. 22. Гера. 24. «Театр». 26. Коэн. 28. Росси. 29. «Шах». 30. Клин.

По вертикали: 1. Лот. 2. Вива. 3. Иней. 4. Санд. 5. Пярну. 6. Эллингтон. 7. Каас. 8. Болен. 9. Флаер. 13. Андерс. 16. Да. 18. Разина. 20. Трэш. 21. Стикс. 23. Указ. 25. «Ария». 27. Наг.

«Слезай с моего облака», «Роллинг Стоунз».

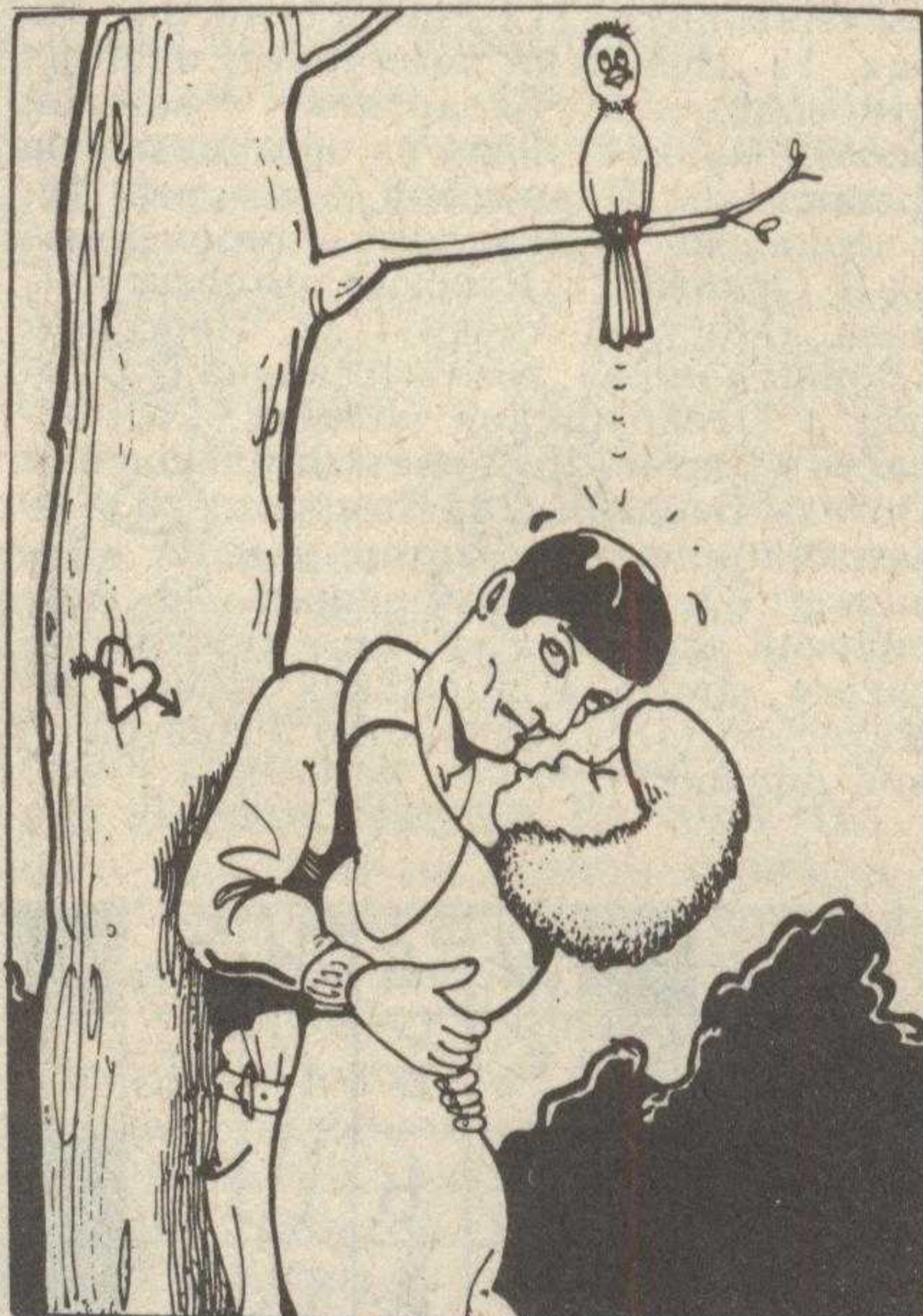

ОКНО В ЕВРОПУ

Автор этих рисунков — краковский художник Анджей Млечко — рисует для многих польских журналов и газет. Но больше всего он известен своими маленькими книжечками, похожими на самоделки. Их сотни, а название одно: «Секс для бедных». Это и понятно: «Плейбой» не каждому по карману, а книжки Анджея Млечко можно недорого купить в его фирменных магазинах в Варшаве и Кракове — там ими увешаны все стены, с пола до потолка. Эти картинки — оттуда.

— И вы сейчас мне говорите, что вы — режиссер только мультипликационных фильмов?

Главный редактор —
Игорь ШЕСТОПАЛОВ

Технический редактор —
Ирина МАКСИМОВА

Музыкальный редактор —
Андрей ДЕРЖАВИН

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а
Телефон для справок: 285-07-41

Сдано в набор 22.10.90. Подп. в печать 16.11.90. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная № 2. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 5. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 940 000 экз. Заказ 2232. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 125015, Москва, Новодмитровская, 5а.

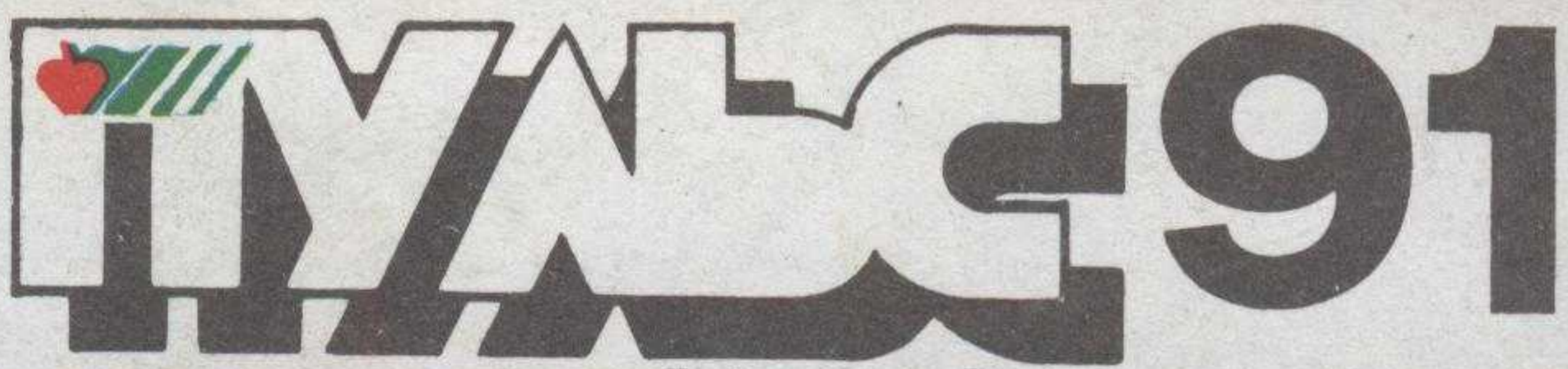
«АЛИБИ»

169

Индекс 70442
20 коп.

Адрес подписчика:

TVABC 91

~~ИЗДАНИЕ~~
~~ПОДПИСЧИКА~~
~~ИЗДАНИЕ~~ 90